

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ФГОУ ВПО «СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

на правах рукописи

ИБРАГИМОВ МУРАТ АЖДАУТОВИЧ

**НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ ИНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА
КАК ИСТОЧНИКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА**

Специальность 12.00.08.

«Уголовное право и криминология; уголовно-
исполнительное право»

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
доцент, Заслуженный юрист
РФ Р.Э.Оганян

Ставрополь-2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРИЗНАНИЯ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ ИНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА ИСТОЧНИКАМИ УГОЛОВНОГО ПРАВА. ПОНЯТИЕ НОРМАТИВНОГО АКТА, ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ ИСТОЧНИКОМ УГОЛОВНОГО ПРАВА	11
§ 1. Социально-правовая обусловленность признания нормативных актов иных отраслей права источниками уголовного права	11
§ 2. Понятие нормативного акта иной отрасли права, являющегося источником уголовного права	53
ГЛАВА II. ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ИСТОЧНИКАМИ КОТОРЫХ ЯВЛЯЮТСЯ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ ИНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА	75
§ 1. Установление содержания уголовно-правовой нормы, источниками которой являются нормативные акты иных отраслей права	76
§ 2. Особенности действия во времени уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права	91
§ 3. Особенности квалификации преступлений по уголовно-правовым нормам, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права	120
Заключение	140
Источники и литература, используемые при написании диссертации	148

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Длительное время в отечественной уголовно-правовой науке считалось, что уголовно-правовая норма может быть выражена только в форме уголовного закона, а сам уголовный закон объявлялся единственным источником уголовного права. Современная правовая доктрина, напротив, исходит из признания полиисточникового характера уголовного права.¹ Причем, такое изменение подхода к источникам уголовного права продиктовано, в первую очередь, предписаниями самого уголовного закона: в ч. 2 ст. 1 УК РФ установлено, что Уголовный кодекс РФ основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права.

С другой стороны, действующий Уголовный закон устанавливает, что уголовное законодательство Российской Федерации состоит исключительно из Уголовного кодекса (ч. 1 ст. 1 УК РФ).

Таким образом, можно говорить о несовпадении понятий «источник уголовного законодательства» и «источник уголовного права». И если источником уголовного законодательства является исключительно Уголовный кодекс Российской Федерации, то источники уголовного права не ограничиваются уголовным законом.

¹ См., например: *Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г., Шибков О.Н.* Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. – Ставрополь, 2000; *Коняхин В.* Конституция как источник Общей части уголовного права // *Российская юстиция.* – 2002. – № 4. – С. ; *Наумов А.* Судебный прецедент как источник уголовного права // *Российская юстиция.* – 1994. - № 1. – С. 8-11.

Так, при конструировании уголовного закона зачастую употребляются ссылки на нормативные акты иной отраслевой принадлежности (например, в ст.ст. 143, 191, 215, 216-219, 263, 264 УК РФ). Кроме того, подавляющее большинство статей Уголовного кодекса содержит бланкетные признаки, где употреблены термины, заимствованные из иных отраслей права. В этой связи возникает вопрос о том, могут ли считаться источниками уголовного права нормативные акты иных отраслей права.

Необходимо отметить, что отдельные проблемы использования нормативных положений других отраслей права для конструирования уголовного закона уже становились предметом научного исследования. Анализ подобного рода взаимосвязи уголовного законодательства с нормами других отраслей права представлен в работах Б.В. Волженкина, Л.Д. Гаухмана, Н.Д. Дурманова, В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова, Н.И. Пикурова, С.С. Пирвагидова, Ю.Е. Пудовочкина и других авторов. Тем не менее, специальных исследований монографического уровня, посвященных анализу нормативных актов иных отраслей права в качестве источников уголовного права, не проводилось.

В этой связи тема настоящей работы представляется весьма актуальной и необходимой для проведения диссертационного исследования.

Цели и задачи исследования. Целями настоящего исследования явились теоретическое обоснование необходимости признания нормативных актов иных отраслей права источниками уголовного права, а также выработка категориального определения нормативного акта иной отрасли права, используемого в качестве источника уголовного

права. Кроме того, целью работы стало изучение особенностей применения уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иной отраслевой принадлежности.

Достижению указанных целей способствует решение следующих основных **задач**:

1. изучение понятия «источник уголовного права» для обоснования позиции о возможности признания таковыми нормативных актов иных отраслей права;

2. исследование обусловленности признания нормативных актов иных отраслей права источниками уголовного права;

3. анализ юридических признаков нормативного акта иной отраслевой принадлежности, являющегося источником уголовного права;

4. установление содержания уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права;

5. исследование особенностей действия во времени уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права;

6. анализ особенностей квалификации преступлений по уголовно-правовым нормам, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права;

7. изучение имеющейся судебной практики и позиции сотрудников правоохранительных органов, касающихся существа проблемы.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с использо-

ванием нормативных актов иных отраслей права в качестве источников уголовного права.

Предметом исследования выступили юридические признаки нормативных актов иных отраслей права, являющихся источниками уголовного права.

Методологической основой исследования явились диалектический, логический, сравнительно-правовой, системно-структурный, социологический (анкетирование) и некоторые другие методы.

Нормативной базой исследования явились: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы (например, Гражданский кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Закон РФ от 21 июля 1993 года «О государственной тайне», Федеральный закон от 13 ноября 1996 г. «Об оружии», Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. «О безопасности дорожного движения», Федеральный закон от 8 августа 2001 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности», Федеральный закон от 10 декабря 1997 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах», Федеральный закон от 18 ноября 1994 г. «О пожарной безопасности»), а также подзаконные нормативные акты (например, Указ Президента РФ от 30 ноября 1995 г. «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне», Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2002 г. «Об отмене постановлений Правительства Российской Федерации по вопросам маркирования товаров и продукции знаками соответствия, защищенными от подделок», Постановление Правительства РФ от 23 ок-

тября 1993 г. «Об утверждении Правил дорожного движения Российской Федерации», Постановление Совета Министров РСФСР от 10 октября 1960 г. «Об утверждении Положения об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР», Приказ МВД России от 14 декабря 1993 г. «Об утверждении Правил пожарной безопасности в Российской Федерации»).

Теоретическая основа исследования. В процессе исследования применялись достижения наук уголовного права, общей теории права, истории государства и права, филологии.

Среди использованных работ в области уголовного права, надо особо выделить труды таких ученых, как Я.М. Брайнин, А.И. Бойцов, С.В. Бородин, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, А.С. Горелик, Н.Д. Дурманов, С.Г. Келина, А.Г. Кибальник, М.И. Ковалев, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Мальцев, А.В. Наумов, Н.И. Пикуров, А.А. Пионтковский, С.С. Пирвагидов, Ю.Е. Пудовочкин, А.И. Рарог, И.Г. Соломоненко, Н.С. Таганцев, А.Н. Трайнин, М.Д. Шаргородский, Б.В. Яцененко.

Эмпирическую базу исследования составили результаты выборочного исследования (социологического опроса), проведенного в г.г. Ставрополе, Краснодаре. По специально разработанной анкете опрошено 100 сотрудников правоохранительных органов.

Изучена практика Верховных Судов СССР и РФ, касающаяся темы исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что диссертация представляет собой одно из первых в отечественной уголовно-правовой науке комплексных монографических исследований, посвященных проблеме признания нор-

мативных актов иных отраслей права в качестве источников российского уголовного права.

В работе обоснована необходимость доктринального и легального признания нормативных актов иных отраслей права в качестве источников уголовного права. Сформулировано понятие нормативного акта иной отрасли права, используемого в качестве источника уголовного права. Выработаны правила применения уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права.

Основные положения и выводы, выносимые на защиту:

1. Признание нормативных актов иных отраслей права источником уголовного права обусловлено бланкетной формой конструирования уголовного закона. При ее использовании содержание уголовно-правовой нормы складывается как из положений уголовного закона, так и положений нормативных актов иных отраслей права, которые должны рассматриваться в качестве источников уголовного права.

2. При бланкетной форме конструирования уголовного закона нормативные акты иных отраслей права не устанавливают признаков состава преступления. В то же время, наполняя своими положениями бланкетные признаки состава преступления, нормативные акты иных отраслей права непосредственным образом влияют на содержание уголовно-правового запрета.

3. Использование нормативных актов иных отраслей права в качестве источников уголовного права обеспечивает стабильность уголовного закона и, при необходимости, позволяет изменять фактическое содержание уголов-

но-правовой нормы без трансформации текста Уголовного кодекса.

4. В целях единообразного понимания и применения уголовно-правовых норм в Российской Федерации, а также реализации уголовно-правового принципа равенства, источниками уголовного права следует признавать нормативные акты иных отраслей права только федерального уровня.

5. Нормативный акт иной отрасли права, являющийся источником уголовного права, можно определить как закон или подзаконный акт федерального уровня, положения которого влияют на содержание уголовно-правовой нормы.

6. При бланкетной конструкции статьи Особенной части Уголовного кодекса квалификация преступлений предполагает совместное применение положений уголовного закона и нормативных актов иной отраслевой принадлежности.

7. Квалификация преступлений по уголовно-правовым нормам, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права, предполагает использование нормативных положений иной отраслевой принадлежности, действующих на момент совершения деяния.

8. Изменение нормативных актов иных отраслей права зачастую приводит к фактической декриминализации деяния или иному улучшению положения лица, совершившего преступление, а, следовательно, в соответствии с ч. 2 ст. 54 Конституции РФ, такое улучшение должно иметь обратную силу. Ухудшение положения лица, совершившего преступление, вследствие изменения нормативных актов иных отраслей права, обратной силы не имеет.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее положения и выводы могут быть использованы для совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации и практики его применения.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы в учебном процессе и научных исследованиях, связанных с проблемами источников российского уголовного права.

Апробация результатов исследования. Положения и выводы диссертации отражены в 4-х научных публикациях. Теоретические выводы и положения докладывались на межвузовских конференциях и семинарах в г.г. Ростов-на-Дону, Краснодаре, Ставрополе, а также на Ученом совете и на заседаниях кафедры уголовного права Ставропольского государственного университета.

Результаты проведенного исследования внедрены в учебный процесс юридического факультета Ставропольского государственного университета и Ставропольского филиала Краснодарской академии МВД России при преподавании курсов «Уголовное право» и «Теоретические основы квалификации преступлений».

Структура диссертации, состоящей из двух глав, объединяющих пять параграфов, predetermined целями и задачами исследования. Завершает работу заключение и список использованных источников и литературы.

Диссертация оформлена в соответствии с требованиями ВАК.

**ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ ИНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА В
КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА.**

**ПОНЯТИЕ НОРМАТИВНОГО АКТА, ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ ИСТОЧНИКОМ
УГОЛОВНОГО ПРАВА**

**§ 1. Социально-правовая обусловленность признания
нормативных актов иных отраслей права источниками
уголовного права**

Необходимой предпосылкой для исследования вопроса о том, в какой мере нормативные акты иных отраслей права могут быть источниками уголовного права, является уяснение понятия «источник уголовного права». Однако, с точки зрения методологии научных исследований, прежде чем приступить к выработке понятия «источник уголовного права», необходимо определиться с пониманием родового термина «источник права».

Существует мнение, что термин «источник права» был впервые применен Титом Ливием, который называл закон XII таблиц «источником всего публичного и частного права».² В современной юридической науке данный термин относится к числу широко употребляемых.

Проблема источников права длительное время разрабатывается отечественными и зарубежными исследователями в рамках общей теории права. Тем не менее, вопрос о категориальном определении понятия «источник права» окончательно не решен.

² Тарановский О.В. Учебник энциклопедии права. – Юрьев, 1917. – С. 167.

Для уяснения содержания анализируемого термина обратимся к юридической мысли представителей зарубежных стран.

Надо признать, что в странах романо-германской правовой семьи нет однозначного определения понятия «источники права» и общего о них представления. Разнообразии исторических, национальных и этнических различий в странах континентального права, особенности их политических и правовых культур не позволили выработать у компаративистов единого мнения о том, что понимать под источником права.³

Действительно, юристы в континентальной правовой семье под источником права понимают и материальные условия жизни общества (источник права в материальном смысле), и способ выражения государственной воли в виде общеобязательных правил поведения (источник права в формальном смысле), и материалы, посредством которых мы познаем право (источники познания права), и вклад внутреннего и иностранного права в создание какой-либо правовой системы (исторические источники права).⁴

Однако, несмотря на многообразие научных позиций и подходов, в романо-германской правовой семье традиционно доминирует определение понятия «источник права» в формально-юридическом значении этого термина.⁵

³ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М., - 1998. – С. 29-56.

⁴ См.: Муромцев Г.И. Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Правоведение. – 1992. - № 2. – С. 24; Марченко М.Н. Источники романо-германского права: понятие, виды, классификация // Вестник Московского университета. - Сер. 11, Право. – 2000. - № 2. – С. 14-28.

⁵ См.: Марченко М.Н. Источники романо-германского права: понятие, виды, классификация // Вестник Московского университета. - Сер. 11, Право. – 2000. - № 2. – С. 16.

Понятие «источник права», используемое в системе общего права, в значительной мере совпадает с аналогичным понятием, употребляемым в системе романо-германского права.

Так, К. Эллен определяет источник права как «деятельность, посредством которой нормы поведения приобретают характер права, становясь объективно определенными, постоянными и, прежде всего, обязательными».⁶ не трудно заметить, что для К. Эллена источник права – это, прежде всего, формально объективированная деятельность (законотворчество, создание судебных прецедентов).

Р. Кросс отмечает, что в основном «источник права» рассматривается именно как юридический источник права – «когда под источником разумеют не причину происхождения, прямую или отдаленную, но такой источник, из которого норма получает свою юридическую силу, т.е. становится правовой нормой».⁷

Итак, при всех различиях в подходах к определению термина «источник права» в зарубежной юридической науке, под ним, как правило, предполагается деятельность либо результат деятельности по созданию правовых норм.

В отечественной общетеоретической правовой науке также представлен широкий спектр зачастую противоречивых мнений по вопросу о понятии источника права. Замечание И.Б. Новицкого о том, что «выражение «источник права» имеет двухтысячелетний возраст, однако и до на-

⁶ Allen C. K. Law in the making. – Oxford, 1958. - P. 1-2.

⁷ Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., - 1985. – С. 157.

стоящего времени оно не вполне ясно»⁸ актуально и на современном этапе развития юридической науки.

Как иронично подметил Л.И. Петражицкий, «... если бы зоологи стали называть собак, кошек и т.д. «источниками животных» и спорить по этому поводу, что такое источники животных, представляют ли они формы создания животных, или основания их существования, или признаки их животной породы и т.д., то это представляло бы явления мысли, совершенно однородные с теми, которые имеются в теперешнем правоведении в области учения о т.н. источниках права».⁹

Существование столь широкого спектра мнений о понятии «источник права» объясняется, главным образом, многозначностью этого термина.

Еще Г.Ф. Шершеневич отмечал «многозначимость» термина «источник права», под которым понимаются:

- а) силы, творящие право;
- б) материалы, положенные в основу того или другого законодательства;
- в) исторические памятники, которые когда-то имели значение действующего права;
- г) средства познания действующего права.¹⁰

В последующий период развития отечественной юридической мысли наибольшее признание получила научная позиция о существовании двойного смыслового значения термина «источник права». Согласно названной точке зрения,

⁸ Новицкий И.Б. Источники советского гражданского права. – М., 1959. – С. 6.

⁹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 11. – СПб., 1910. – С. 518.

¹⁰ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1911. – С. 368-369.

необходимо различать источник права в материальном смысле и источник права в формальном значении.¹¹

При этом материальным источником права предлагается считать ту силу, которая создает право, обуславливает его содержание. В различные этапы развития отечественного государства и права материальным источником права назывались и государственная власть, воля господствующего класса,¹² и материальные условия жизни общества,¹³ и экономический строй общества,¹⁴ и общественные отношения, существующие в конкретно-исторический период.¹⁵

Исследование материальных источников права в целом, и уголовного права в частности, имеет несомненную теоретическую значимость: позволяет уяснить социальную обусловленность уголовно-правовых норм, их зависимость от уровня социально-экономического, политического и культурного развития общества и государства. В то же время, целью настоящего диссертационного исследования является изучение вопроса о том, в какой мере нормативные акты иных отраслей права («неуголовные» нормативные акты) могут являться источниками уголовного права. При такой постановке вопроса, на первый план выходит поня-

¹¹ Вильнянский С.И. К вопросу об источниках советского права // Проблемы социалистического права. – 1939. - № 4-5. – С. 62; Кечекьян С.Ф. О понятии источников права // Ученые записки МГУ. Вып. 116. Труды юридического факультета. Кн 2. – С. 3-5; Шаргородский М.Д. Уголовный закон / Избранные работы по уголовному праву. – СПб., 2003. – С. 120-121.

¹² Вильнянский С.И. К вопросу об источниках советского права // Проблемы социалистического права. – 1939. - № 4-5. – С. 62; Иоффе О.С. Советское гражданское право. – Л., 1958. – С. 34; Шаргородский М.Д. Уголовный закон / Избранные работы по уголовному праву. – СПб., 2003. – С. 121.

¹³ Кечекьян С.Ф. О понятии источников права // Ученые записки МГУ. Вып. 116. Труды юридического факультета. Кн 2. – С. 4.

¹⁴ Шебанов А.Ф. Форма советского права. – М., 1968. – С. 39.

тие источника права в формально-юридическом значении этого термина.

В свою очередь под формальным (юридическим) источником права в юридической науке понимается форма, в которой выражено правило, сообщающее ему качество правовой нормы;¹⁶ форму установления и выражения правовых норм;¹⁷ деятельность государства по установлению правовых норм¹⁸ и т.д.

Основное различие между указанными подходами видится в том, что вопрос о терминологическом значении понятия «формальный источник права» рассматривается, с одной стороны, с позиции процедуры формирования права, а с другой – с точки зрения форм существования последнего. То, что одни авторы определяют как формы установления правовых норм, другие называют деятельностью государства по их установлению.

Деятельность по созданию норм права подразумевает под собой правотворческий, а в ряде случаев, и правоприменительный процесс, который не является предметом настоящего исследования. Поэтому в дальнейшем, **употребляя понятие «источник права», мы будем понимать под ним только формальный (юридический) источник права, т.е. форму выражения правовых норм.**

Проецируя общеправовое понимание источника права в область права уголовного, можно прийти к предваритель-

¹⁵ Российская юридическая энциклопедия. – М., 1999. – С. 404.

¹⁶ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. – М., 1981. – С. 315.

¹⁷ См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М., 1972. – С. 218; Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. – М., 1967. – С. 15.

¹⁸ См.: Сюкияйнен Л.Р. Система, источники и форма права // Право в странах социалистической ориентации. – М., 1979. – С. 60.

ному выводу о том, что источник уголовного права представляет собой форму выражения уголовно-правовых норм.

Исходя из тезиса о том, что источник уголовного права – это форма установления уголовно-правовой нормы, представляется необходимым исследовать вопрос о предмете регулирования таковой нормы. Это связано с тем, что для признания того или иного акта (законодательного или судебного) источником уголовного права следует определить его относимость к сфере уголовно-правового регулирования. И если соответствующий акт содержит правовые нормы, регулирующие уголовно-правовые отношения, его следует признать источником уголовного права.

Примечательно, что ряд авторов вовсе отрицал самостоятельность предмета регулирования нормы уголовного права, сводя ее лишь к санкции, охраняющей предписания других отраслей права (гражданского, семейного, административного и т.д.).¹⁹

Так, В.Г. Смирнов высказывался, что нормы уголовного права не регулируют отношений, но охраняют общественный порядок. По его мнению, можно сравнить «нормы уголовного законодательства с часовым, стоящим на посту у склада социалистического имущества, который не регулирует отношений собственности, но охраняет их, или с дружинником и милиционером, которые, проходя по улицам города, не регулируют, но охраняют общественный порядок».²⁰

¹⁹ Лейст О.Э. Санкции в советском праве. – М., 1962. – С. 105-106; Теория государства и права / Отв. Ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. – Л., 1987. – С. 407; Курс советского уголовного права / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М., 1970. – Т. 1. – С. 12.

²⁰ Смирнов В.Г. Правоотношение в уголовном праве // Правоведение. – 1961. - № 3. – С. 89.

Изложенная теория, названная нормативной, была подвергнута справедливой критике²¹ и в настоящий момент не находит сколько-нибудь значительного признания.

Другая группа исследователей полагает, что нормы уголовного права имеют своим предназначением регулирование общественных отношений, связанных исключительно с фактом совершения преступления.²²

В такой интерпретации за пределами предмета уголовно-правового регулирования остаются общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением гражданами права на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния. Между тем, существование такого рода регулятивных отношений предопределено наличием в Уголовном кодексе РФ отдельной главы, посвященной обстоятельствам, исключающим преступность деяния, при наличии которых гражданам предоставляется право на причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны.

Кроме того, подобная научная позиция не учитывает того факта, что нормы уголовного права, устанавливая наказание за нарушение уголовно-правовых запретов, удерживают значительное число лиц от совершения преступлений. Соответственно, в предмет регулирования уголовно-правовых норм необходимо включать также отношения,

²¹ Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып. 1. – СПб., 1887. – С. 108-109; Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М., 1967. – С. 96.

²² Кленова Т.В. Уголовно-правовая норма (понятие, структура, виды): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1986. – С. 6; Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. М.П. Журавлева, А.И. Рарога. – М., 1996. – С. 4; Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб., 2003. – С. 33-34.

связанные с удержанием неопределенного числа лиц от совершения преступлений.

Следует отметить, что точка зрения о включении общепредупредительных отношений в предмет уголовно-правового регулирования воспринимается некоторыми специалистами критически.

Так, Ю.И. Ляпунов, возражая против отнесения общепредупредительных отношения к предмету регулирования уголовно-правовых норм, считает, что в таких абсолютных, а потому чуждых природе уголовного права отношениях нет юридического факта для возникновения правоотношения, нет четко обозначенных субъектов, их прав и обязанностей. По мнению Ю.И. Ляпунова, сторонники признания предупредительных отношений предметом уголовно-правового регулирования подменяют понятия «предмет регулирования» и «функция права». Уголовное право воздействует на лиц, которые не совершают преступлений, но, по мнению автора, не регулирует их поведение.²³

Думается, что удержание значительного числа лиц от совершения преступлений под страхом уголовного наказания, все-таки, обладает признаками правового регулирования. В общей теории права считается, что «правовое регулирование заключается, прежде всего, в установлении с помощью правовых норм юридических прав и обязанностей участников общественных отношений».²⁴ А поскольку установление уголовно-правового запрета порождает обязанность воздерживаться от его нарушения, можно заключить, что общепредупредительное воздействие норм уголовного

²³ Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 17-19.

²⁴ Общая теория советского права. – М., 1966. – С. 11.

права представляет собой ни что иное, как правовое регулирование.

В этой связи, наиболее аргументированной представляется позиция А.В. Наумова, согласно которой уголовно-правовые нормы регулируют три типа общественных отношений:

- *охранительные* – возникающие в связи с совершением преступления;

- *общепредупредительные* – возникающие по поводу удержания лиц от нарушения уголовно-правового запрета;

- *регулятивные* – складывающиеся в связи с осуществлением гражданами права на причинение уголовно-значимого вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния.²⁵

Определившись с вопросом о предмете регулирования уголовно-правовой нормы, вернемся к исследованию форм ее выражения, т.е. к изучению источников уголовного права.

Длительное время в советской уголовно-правовой науке считалось, что уголовно-правовая норма может быть выражена только в форме уголовного закона, а сам уголовный закон объявлялся «единственным источником уголовного права».²⁶ Эта позиция находит своих сторонников и в современной юридической литературе.

Так, Ю.И. Ляпунов отмечает, что уголовное законодательство полностью воплощено в Уголовном кодексе РФ и является единственным и исключительным источником российского уголовного права. Ни иные федеральные законы,

²⁵ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М., 2000. – С. 5-13.

ни указы президента, ни, тем более, подзаконные акты органов государственной власти, в том числе разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, не могут устанавливать преступность и наказуемость деяний, любые иные положения, связанные с уголовной ответственностью гражданина.²⁷

По всей видимости, такой подход к источниковой базе уголовного права основывается на предписаниях ч. 1 ст. 1 УК РФ о том, что уголовное законодательство Российской Федерации состоит из Уголовного кодекса, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в Уголовный кодекс.

Таким образом, можно говорить о несовпадении понятий «источник уголовного законодательства» и «источник уголовного права». И если источником уголовного законодательства является исключительно Уголовный кодекс Российской Федерации, то источники уголовного права не ограничиваются уголовным законом.

Необходимо отметить, что с критикой позиции о моноисточниковом характере уголовного права выступал еще М.Д. Шаргородский, который, помимо уголовного закона, относил к числу источников советского уголовного права нормы международного уголовного права, подзаконные акты и руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР.²⁸

В современной уголовно-правовой науке преобладает точка зрения о том, что «пришло время отказаться от

²⁶ Уголовное право. Общая часть. – М., 1943. – С. 75.

²⁷ Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1997. – С. 67.

²⁸ Шаргородский М.Д. Уголовный закон / Избранные работы по уголовному праву. – СПб., 2003. – С. 125-159.

ставшего догмой указания на Уголовный кодекс как на единственный источник отрасли уголовного права».²⁹

Такое изменение подхода к источниковой базе уголовного права продиктовано, в первую очередь, предписаниями самого уголовного закона – в ч. 2 ст. 1 УК РФ установлено, что Уголовный кодекс РФ основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права.

На основе названной уголовно-правовой нормы, а также положений международного права и Конституции РФ, в юридической литературе обстоятельно аргументирована позиция о том, что источником российского уголовного права являются нормы международного права, которые имеют силу для России.³⁰

Не вызывает в настоящее время сомнений и отнесение к числу источников российского уголовного права Конституции Российской Федерации, которая содержит отдельные предписания уголовно-правового характера.³¹

²⁹ Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб., 2003. – С. 155.

³⁰ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г., Шибков О.Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. – Ставрополь, 2000; Коняхин В.П. Международный договор как источник российского уголовного права // Уголовное право в XXI веке. – М., 2002. – 152-159; Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб., 2003. – С. 158-163; Трунцевский Ю.В. Нормы международного права как источники российского уголовного права: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1995.

³¹ Коняхин В. Конституция как источник Общей части уголовного права // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 53-54; Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб., 2003. – С. 163-168.

Более того, в уголовно-правовой науке последовательно обосновывается вывод о том, что судебный прецедент также является источником российского уголовного права.³²

В любом случае факт остается фактом – российское уголовное право является полиисточниковой отраслью права.

При этом надо иметь в виду, что российская правовая система исторически развивалась в традициях континентального (романо-германского) права, и это предопределило тот факт, что среди источников отечественного уголовного права ведущее место принадлежит нормативно-правовым актам, и, в первую очередь, уголовному закону.

Как правило, уголовно-правовая норма в полном объеме выражена в уголовном законе, и этот нормативный акт следует считать источником уголовно-правовой нормы, а, следовательно, и источником уголовного права. В то же время в уголовно-правовой литературе признается, что уголовно-правовая норма содержательно может включать положения и других нормативных актов, причем среди них могут быть нормативные акты, не относящиеся непосредственно к сфере уголовно-правового регулирования. Содержание такой уголовно-правовой нормы складывается как из нормативных положений (предписаний) уголовного закона, так и нормативных положений других нормативно-правовых актов.

Так, например, исследуя проблему воплощения правовой нормы в тексте нормативно-правового акта, В.П. Ко-

³² Наумов А.В. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. – 1994. - № 1; Ображиев К.В. Судебный прецедент как источник российского уголовного права: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002.

няхин пришел к выводу, что «реальная правовая норма» никогда не имеет адекватной обособленной законодательной формы. По его мнению, которое представляется весьма обоснованным, «содержание реальной правовой нормы включает также бланкетную ее часть, нередко охватывающую предписания, закрепленные в нормативных правовых актах других отраслей законодательства».³³

Вполне возможно, - пишет А.В. Наумов, - что структурные части одной правовой нормы могут находиться в различных статьях одного и того же либо другого нормативного акта той же либо даже иной отрасли права (в бланкетных диспозициях уголовного закона).³⁴

В том же ключе рассуждает Н.И. Пикуров, который при анализе межотраслевых связей уголовно-правовых норм высказывает мнение, что уголовно-правовая норма представляет собой систему, включающую как собственные уголовно-правовые предписания, так и нормативные предписания иных отраслей права.³⁵ А поскольку «собственные уголовно-правовые предписания» выражены в уголовном законе, а «нормативные предписания иных отраслей права» - в иных нормативных актах, Н.И. Пикуров также признает возможность «рассредоточения» одной уголовно-правовой нормы по различным нормативным актам.

³³ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. - СПб., 2002. - С. 179.

³⁴ Наумов А.В. Уголовный закон / Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М., 2001. - 118.

³⁵ Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. - Волгоград, 1998. - С. 102.

Положение о том, что одна правовая норма может быть выражена в нескольких различных нормативных актах, признается и в общей теории права.³⁶

Таким образом, уголовно-правовая норма может быть воплощена в уголовном законе лишь частично. Отдельные правовые положения, содержательно входящие в уголовно-правовую норму, могут содержаться и в других нормативно-правовых актах. Иными словами, нормативные предписания, являющиеся элементарными частицами уголовно-правовой нормы,³⁷ могут быть «рассредоточены» по нескольким нормативным актам.

Так, например, норма, устанавливающая уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, содержательно состоит не только из уголовно-правового запрета (ст. 264 УК РФ), но и включает предписания Правил дорожного движения.

Так что же следует считать источником уголовно-правовой нормы, если ее содержание складывается из предписаний нескольких различных нормативных актов, среди которых, помимо уголовного закона, – нормативные акты иной, «неуголовной», отраслевой принадлежности?

Как отмечалось, юридический источник права представляет собой форму выражения, установления правовых норм. Исходя из этого, следует признать, что **если уголовно-правовая норма выражена в нескольких нормативных актах, то каждый из них является источником такой нор-**

³⁶ См., например: Алексеев С.С. Структура советского права. – М., 1975. – С. 31; Керимов Д.А. Законодательная техника. – М., 1998. – С. 41.

³⁷ Сырых В.М. Теория государства и права. – М., 1998. – С. 98-111.

мы. Иными словами, уголовно-правовая норма может иметь полиисточниковый характер.

Еще раз подчеркнем, что для уголовно-правовой нормы, складывающейся из предписаний различных нормативно-правовых актов, источником является каждый из таких актов. Сделанное заключение представляется весьма важным и может быть положено в основу предварительного вывода о том, что источниками уголовного права могут являться нормативные акты иных отраслей права, связанные с уголовным законом.

Существование подобного рода уголовно-правовых норм связано, прежде всего, с особенностями бланкетной формы конструирования уголовного закона.

С точки зрения филологии, термин «бланкетность» происходит от слова бланк – «лист с частично напечатанным текстом, в прочей части подлежащий заполнению».³⁸

Несмотря на то, что названный термин длительное время используется отечественной уголовно-правовой наукой, его понятие и сфера применения до сих пор окончательно не определены.

Так, например, в уголовно-правовой литературе термин «бланкетность» употребляется для характеристики уголовно-правовой нормы в целом, и для обозначения диспозиции уголовно-правой нормы, статьи уголовного закона в целом, и для характеристики диспозиции статьи уголовного закона, составов преступлений, и отдельных признаков составов преступлений.

³⁸ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1970. – С. 49.

Думается, что выделение бланкетных диспозиций в уголовно-правовой норме, равно как и бланкетных уголовно-правовых норм³⁹ неосновательно.

Как отмечал еще Н.Д. Дурманов, «в уголовном законе имеются бланкетные диспозиции как части статьи закона, но уголовно-правовая норма в целом и ее диспозиция в частности всегда конкретны».⁴⁰

По этому же поводу Д.А. Керимов пишет, что при классификации правовых норм на определенные, отсылочные и бланкетные допускается смешение правовой нормы и статьи закона. Такая классификация относится не к правовой норме, а к структурным особенностям, к способам изложения статей закона.⁴¹

Кроме того, вряд ли можно согласиться с употреблением термина «бланкетность» применительно к составу преступления в целом.⁴² По всей видимости, правильнее говорить об отдельных признаках состава преступления, сформулированных бланкетным способом.

В послереволюционных работах советских юристов термин «бланкетность» применялся, в основном, для характеристики диспозиции статьи уголовного закона. При этом бланкетной называлась такая диспозиция, при которой признаки состава преступления формулировались другими отраслями права, а в статье Уголовного кодекса содержалась лишь санкция.⁴³

³⁹ См., например: Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке. – М., 2002. – С. 48-49.

⁴⁰ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М., 1967. – С. 122.

⁴¹ Керимов Д.А. Законодательная техника. – М., 1998. – С. 46.

⁴² См., например: Тюнин В.И. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности. – СПб, 2001. – С. 4.

⁴³ Пионтковский А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. – М., 1924. – С. 205.

Такое понятие.

Такое понятие несло отпечаток так называемой «нормативной» теории, согласно которой уголовное право сводится лишь к санкции, охраняющей предписания других отраслей права.

В последующем, широкое признание получило определение, согласно которому бланкетной называется диспозиция, отсылающая для уточнения отдельных признаков состава преступления к нормативным актам других отраслей права.⁴⁴

Однако, по справедливому замечанию Н.И. Пикурова, «необходимость обращения к нормативному материалу других отраслей для уточнения отдельных признаков состава преступления возникает в процессе применения подавляющего большинства уголовно-правовых норм.... Поскольку суждения, заключающиеся в уголовно-правовой норме, являются специфически правовыми, постольку законодатель при их разработке опирается на другие правовые суждения, в том числе содержащиеся в нормативном материале иных отраслей социалистического права».⁴⁵

В этой связи автор предлагает различать бланкетную форму конструирования уголовного закона в широком смысле, как любое использование нормативных предписаний иных отраслей права для уточнения признаков преступного деяния и бланкетную диспозицию в узком смысле слова.

Бланкетную диспозицию в узком смысле слова Н.И. Пикуров определяет как такую форму конструирования уголовного закона, при которой уголовно-правовая норма формулируется с помощью ссылки на нарушение виновным нормативных предписаний иных отраслей права, в связи с

⁴⁴ Законодательная техника. – Л., 1965. – С. 38; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1969. – С. 98; Беляева Н.В. Некоторые вопросы применения бланкетных диспозиций УК и их классификация // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1979. – Вып. 31. – С. 73.

⁴⁵ Пикуров Н.И. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией. – Волгоград, 1985. – С. 9.

чем для уголовно-правовой квалификации необходимо установление и признаков неуголовного правонарушения.⁴⁶

Таким образом, для Н.И. Пикурова определяющим признаком бланкетной диспозиции (в узком значении) является не только наличие отсылки к положениям иных («неуголовных») нормативных актов, но и факт нарушения предписаний таких актов. Видимо, именно по этой причине, общественно опасные деяния, предусмотренные бланкетными диспозициями, автор называет преступлениями «со смешанной противоправностью». В том же случае, когда при конструировании статьи уголовного закона используются лишь отдельные термины другой отраслевой принадлежности, по мнению Н.И. Пикурова, имеет место простая или описательная диспозиция с отдельными бланкетными признаками.

Соответственно, проявлениями бланкетности (бланкетного способа конструирования уголовного закона) Н.И. Пикуров считает бланкетную диспозицию и бланкетные признаки.

А.В. Наумов указывает еще одно проявление бланкетности – «неявная» или «скрытая» бланкетность, когда в тексте уголовного закона нет прямой отсылки к нормативным актам другой отрасли права, но она (эта отсылка) подразумевается. Это те случаи, когда уголовно-правовой запрет граничит с запретом норм другой отрасли права и определить нижний «порог» уголовно-правового запрета невозможно без определения верхнего «порога» запрета другой отрасли права.

⁴⁶ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – С. 12,37.

В качестве примера «неявной» бланкетности А.В. Наумов приводит ситуацию соотношения уголовно-правовых норм об ответственности за кражу, мошенничество, присвоение и растрату и административно-правовой нормы об ответственности за мелкое хищение чужого имущества.⁴⁷

Действительно, определить содержание уголовно-правовых норм об ответственности за указанные формы хищения возможно только путем обращения к ст. 7.27 КоАП РФ.

В то же время, отдельные специалисты полагают, что нормы административного права не могут влиять на содержание уголовно-правового запрета.

Так, Г.Н. Борзенков считает, что «закон не ограничивает уголовную ответственность за хищение какой либо минимальной суммой».⁴⁸

Аналогичной позиции придерживается А. Васильченко, который категорично утверждает, что «криминализация или декриминализация деяния может быть произведена только уголовным законом», и в этой связи отрицает взаимосвязь содержания административно-правового и уголовно-правового запретов на совершение хищения.⁴⁹

Критически воспринимая вышеприведенную научную позицию, отметим, что «общность границы уголовного и административного кодексов предопределяет то обстоятельство, что с какой бы стороны ни была бы пересмотрена

⁴⁷ Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. – 2002. - № 7. – С. 38-39.

⁴⁸ Курс уголовного права. Т. 3. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. – М., 2002. – С. 415.

⁴⁹ Васильченко А. Разграничение мелкого хищения и уголовно-наказуемых форм хищения // Уголовное право. – 2003. - № 4. – С. 12-13.

эта граница, этот пересмотр неизбежно сказывается на объеме и другой стороны».⁵⁰

По большому счету, различия между этими формами проявления бланкетности не так уж важны. Дело в том, что использование и бланкетной диспозиции, и бланкетных признаков (Н.И. Пикуров), и «неявной», «скрытой» бланкетности (А.В. Наумов) приводит к тому, что в содержание уголовно-правовой нормы, помимо предписаний уголовного закона, включаются положения нормативных актов иных отраслей права. Соответственно, при бланкетной форме конструирования уголовного закона правоприменительная деятельность сопровождается обращением к нормативно-правовым актам иных отраслей права для уяснения содержания уголовно-правовой нормы.

Так, например, для квалификации деяния по ст. 143 УК РФ необходимо установить факт нарушения правил охраны труда, которые регламентируются Трудовым кодексом РФ, а также ведомственными нормативными актами. Следовательно, правоприменитель должен обратиться к соответствующим нормативным актам.

Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении № 1 от 23 апреля 1991 г. «О судебной практике по делам о нарушении правил охраны труда и безопасности горных строительных и иных работ» (в действующей редакции) особо подчеркнул, что в приговоре суд обязан сослаться на конкретные пункты действующих правил безопасности работ и охраны труда, нарушение которых повлекло либо могло повлечь указанные в законе последствия.⁵¹

⁵⁰ Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб., 2002. – С. 496.

⁵¹ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., 1999. – С. 445.

Использование при правоприменении нормативных актов, регламентирующих правила пожарной безопасности, является обязательным условием квалификации содеянного по ст. 219 УК РФ. В этой связи Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 14 от 5 июня 2002 г. «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» указал, что при решении вопроса о виновности лица в нарушении правил пожарной безопасности, повлекшем наступление последствий, предусмотренных ст. 219 УК РФ, судам необходимо выяснять, в чем конкретно состояло ненадлежащее исполнение либо невыполнение данных правил и указывать на это в приговоре со ссылкой на конкретные пункты правил пожарной безопасности, которые были нарушены.⁵²

Необходимость обращения при правоприменении к «неуголовным» нормативным актам возникает и в случае, когда при конструировании статьи уголовного закона используются лишь отдельные термины другой отраслевой принадлежности (бланкетные признаки).

К примеру, для вменения лицу преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, по признаку выдачи государственной тайны следует уяснить понятие государственной тайны и содержание составляющих ее сведений. Для этого необходимо обратиться к положениям Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года (в редакции Федерального закона РФ № 131 от 6 октября 1997 г.),⁵³ а также Перечню сведений, отнесенных к государственной

⁵² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2002. - № 8. – С. 4.

тайне, утвержденному Указом Президента РФ № 1203 от 30 ноября 1995 г.⁵⁴

Для квалификации действий лица по ст. 228 и 228-1 УК РФ необходимо определиться с пониманием наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, которые являются предметом названных преступлений. Учитывая, что соответствующие понятия законодательно определены в Федеральном законе от 10 декабря 1997 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»,⁵⁵ применение уголовно-правовых норм об ответственности за незаконный оборот названных предметов сопровождается использованием соответствующего «неуголовного» нормативного материала.

⁵³ Российская газета. – 1997, 9 октября.

⁵⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - № 49. – Ст. 4775.

⁵⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. - № 2. – Ст. 219.

Разумеется, признание необходимости обращения к нормативно-правовым актам иных отраслей права в процессе правоприменительной деятельности, а также исследование бланкетного способа конструирования уголовного закона не является для нас самоцелью. Несравненно более важным является то обстоятельство, что **в любом варианте проявления бланкетности (бланкетная диспозиция, бланкетные признаки, скрытая бланкетность) нормативные положения другой отраслевой принадлежности становятся неотъемлемой частью уголовно-правовой нормы. А, соответственно, нормативные акты иной отраслевой принадлежности, наполняющие своими положениями уголовно-правовую норму, должны рассматриваться в качестве источников уголовного права.**

Итак, использование бланкетной формы конструирования уголовного закона приводит к тому, что нормативный материал иных отраслей права, по образному выражению Н.И. Пикурова, «имплантируется» в уголовно-правовую норму, образует ее инфраструктуру.⁵⁶ Нормативные положения, установленные нормативно-правовыми актами иных отраслей права, становятся неотъемлемой частью уголовно-правовой нормы, а сами эти нормативные акты – источниками уголовного права.

Действительно, в случае формулирования уголовного запрета с помощью ссылки на нарушение виновным правовых предписаний иных отраслей права («нарушение правил...»), как это имеет место в ст.ст. 143, 215, 216–219, 264 УК РФ и целом ряде других статей уголовного закона, в уголовно-правовую норму, по сути дела, включаются различ-

ного рода «правила» (охраны труда, пожарной безопасности, дорожного движения и т.д.). При этом такие нормативные предписания представляют собой изначально «неуголовный» нормативный материал – нормативные положения иной отраслевой принадлежности.

Разумеется, – отмечает А.В. Наумов, сами по себе эти правила не превращаются в уголовно-правовой акт (уголовный закон), однако, будучи включенными в содержание диспозиции уголовного закона, превращаются в «клеточку» уголовно-правовой «материи».⁵⁷

Как отмечалось, действенным фактором, предопределяющим «наполнение» уголовно-правовой нормы изначально «неуголовным» нормативным материалом, является использование для формулирования уголовного закона терминов иной отраслевой принадлежности.

Напомним, что в юридической науке под правовым (юридическим) термином принято понимать слово (или словосочетание), унифицировано используемое в сфере правовых отношений, которое обозначает правовое понятие и отличается заданной моносемантичностью (т.е. строгой смысловой определенностью, однозначностью), функциональной устойчивостью.⁵⁸

Как известно, одним из важнейших требований законодательной техники является единство терминологии смежных отраслей.⁵⁹

⁵⁶ Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград, 1998. – С. 5,99.

⁵⁷ Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. – 2002. - № 7. – С. 38.

⁵⁸ Законодательная техника: Научно-практическое пособие. – М., 2000. – С. 81.

⁵⁹ Пикуров Н.И., Радаева Н.Л. Некоторые вопросы взаимосвязи терминов уголовного права и процесса // Некоторые вопросы взаимосвязи терминов уголовного

М.Д. Шаргородский, отмечая этот факт, писал: «Правильное построение системы права требует, чтобы один и тот же термин и одно и то же слово в любом законодательном акте имели одинаковое значение».⁶⁰

Показательным в этом отношении является совместное постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 41/9 от 11 июня 1999 г. «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса РФ».

В нем особо подчеркивается, что институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства РФ, используемые в Налоговом кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в гражданском, семейном и других отраслях законодательства, если иное специально не предусмотрено Кодексом.⁶¹

Несмотря на отсутствие подобного прямого указания применительно к уголовному законодательству, современная уголовно-правовая наука и правоприменительная практика исходят из признания того, что при использовании в уголовном законе терминов других отраслей права, их понимание и, соответственно, применение при квалификации преступлений должно основываться на их отраслевом определении.

Как отмечает В.С. Устинов, «если в уголовном законе используются правовые категории, понятия о которых даны в других отраслях законодательства, то они должны пониматься в соответствии с их определением. Разное по-

права и процесса // актуальные вопросы предварительного расследования: Межвуз. Сб. науч. тр. – Волгоград, 1997. – С. 35.

⁶⁰ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – М., 1948. – С. 107.

нимание одних и тех же категорий и терминов в уголовном законодательстве и в других отраслях права недопустимо, ибо тем самым нарушается принцип системности, единство языка законодательства...».⁶²

Таким образом, заимствование уголовным правом терминов иной отраслевой принадлежности предполагает сохранение их содержания.

Так, например, значительная часть предписаний Главы 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» сформулирована с использованием терминологии гражданского права (сделка, имущество, кредит и т.д.). По этой причине, «гражданско-правовые конструкции, понятия предопределяют в той или иной степени предписания уголовно-правовой нормы».⁶³

Широкое использование терминов уголовного процесса при конструировании статей о преступлениях против правосудия (Глава 31 УК РФ) приводит к тому, что содержание соответствующих уголовно-правовых норм дополняется уголовно-процессуальными нормативными дефинициями. Учитывая происхождение термина и наличие законодательной дефиниции, субъект, применяющий нормы уголовного права, по мнению Н.И. Пикурова обязан считаться с терминологическим полем уголовно-процессуального права.⁶⁴

⁶¹ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., 2000. – С. 386-387.

⁶² Устинов В.С. Техника конструирования дефиниций в уголовном законодательстве // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. ст. Т. II / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – С. 207.

⁶³ Жалинский А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // Государство и право. – 1999. - № 12. – С. 48.

⁶⁴ Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград, 1998. – С. 117.

Итак, как было показано, при использовании бланкетной формы конструирования уголовного закона нормативные положения другой отраслевой принадлежности становятся неотъемлемой частью уголовно-правовой нормы. Сделанное заключение представляется весьма важным и может быть положено в основу вывода о том, что нормативные акты иных отраслей права могут рассматриваться в качестве источников уголовного права.

Весомым подтверждением сделанного вывода является тот факт, что **изменение нормативных актов иной отраслевой принадлежности, на которые имеется ссылка в уголовном законе, влечет изменение содержания уголовно-правовой нормы.** Причем такое изменение «происходит без изменения «буквы» уголовного закона, в чем заключается ценность бланкетного способа формулирования уголовного закона, обеспечивающего его стабильность».⁶⁵

Приведем пример. Диспозиция ст. 171 УК РФ в качестве альтернативного преступного деяния называет осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно.

Бланкетный способ конструирования ст. 171 УК РФ предопределяет включение в содержание уголовно-правовой нормы об ответственности за незаконное предпринимательство нормативных предписаний законодательства о лицензировании.

В первоначальный период действия УК РФ 1996 г. перечень видов деятельности, подлежащих обязательному лицензированию, определялся постановлением Правительства

от 24 декабря 1994 г. № 1418 «О лицензировании отдельных видов деятельности» (в ред. от 5 мая 1995 г., 3 июня 1995 г., 7 августа 1995 г. и 12 октября 1995 г.).⁶⁶

Затем перечень видов деятельности, для осуществления которой требуется лицензия, был изменен Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 25 сентября 1998 г.,⁶⁷ а в последующем – Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 8 августа 2001 г.,⁶⁸ который действует в настоящее время.

При этом Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 25 сентября 1998 г. устанавливал 208 видов деятельности, на осуществление которых требуется лицензия, в то время как действующий в настоящее время аналогичный закон от 8 августа 2001 г. предусматривает лишь 120 таких видов деятельности.

Сокращение перечня видов деятельности, на осуществление которых требуются лицензии, по существу, повлекло «сужение» содержания уголовно-правового запрета.

В частности, оптовая реализация минеральной и природной питьевой воды в силу Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 25 сентября 1998 г. подлежала лицензированию, а соответственно, занятие указанным видом деятельности без лицензии должно было квалифицироваться по ст. 171 УК РФ (разумеется, при условии причинения крупного ущерба или извлечения дохода в крупном размере).

⁶⁵ Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. – 2002. - № 7. – С. 38.

⁶⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - № 1. – Ст. 69.

⁶⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. - № 39. – Ст. 4857.

Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 8 августа 2001 г. не предусматривает обязательного лицензирования оптовой реализации минеральной и природной питьевой воды. Это означает, что занятие соответствующей деятельностью не может быть квалифицировано по ст. 171 УК РФ, по крайней мере, по признаку «осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно».

Аналогичная ситуация (сужение круга уголовно-наказуемых деяний вследствие изменения нормативных актов иных отраслей права) имела место с уголовно-правовой нормой об ответственности за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт немаркированных товаров и продукции.

Как известно, ст. 171-1 УК РФ «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции» определяет в качестве предмета преступления немаркированные товары и продукцию, которые подлежат обязательной маркировке марками акцизного сбора, специальными марками или знаками соответствия, защищенными от подделок. Поскольку в ст. 171-1 УК РФ употреблен бланкетный способ описания предмета преступления, уголовно-правовая норма об ответственности за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт немаркированных товаров и продукции включает изначально «неуголовные» нормативные предписания, регламентирующие обязательную маркировку товаров и продукции

⁶⁸ Российская газета. - 2001, 10 августа.

марками акцизного сбора, специальными марками или знаками соответствия, защищенными от подделок.

Вопросам обязательного маркирования товаров и продукции знаками соответствия, защищенными от подделок, были посвящены постановления Правительства РФ от 17 мая 1997 г. № 601 «О маркировании товаров и продукции на территории российской Федерации знаками соответствия, защищенными от подделок»,⁶⁹ от 19 сентября 1997 г. № 1193 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 17 мая 1997 г. № 601 «О маркировании товаров и продукции на территории российской Федерации знаками соответствия, защищенными от подделок»,⁷⁰ от 20 октября 1998 г. «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 17 мая 1997 г. № 601 «О маркировании товаров и продукции на территории российской Федерации знаками соответствия, защищенными от подделок»,⁷¹ от 24 июня 1999 г. «О внесении изменений в перечень первой группы товаров и продукции, подлежащих обязательному маркированию знаками соответствия, защищенными от подделок, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 17 мая № 601»⁷² и от 10 июля 1999 г. «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 17 мая 1997 г. № 601».⁷³

Однако в связи с принятием постановления Правительства РФ от 6 февраля 2002 г. № 82 «Об отмене постановлений Правительства Российской Федерации по вопросам

⁶⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. - № 21. – Ст. 2487.

⁷⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. - № 38. – Ст. 4395.

⁷¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. - № 43. – Ст. 5358.

⁷² Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. - № 27. – Ст. 3373.

маркирования товаров и продукции знаками соответствия, защищенными от подделок»,⁷⁴ названные нормативные акты утратили юридическую силу.

Соответственно, произошло ограничение сферы применения ст. 171-1 УК РФ за счет сокращения перечня предметов преступления. Причем подобное сужение круга уголовно-наказуемых деяний, квалифицируемых по ст. 171-1 УК РФ, осуществлено без изменения самого уголовного закона, а вследствие изменения нормативных актов иной отраслевой принадлежности.

Имеют место и ситуации обратного порядка – когда изменение нормативных актов иной отраслевой принадлежности приводит к «расширению» сферы действия уголовно-правовой нормы.

Известно, что в первоначальной редакции ст. 7.27 КоАП РФ устанавливала максимальную стоимость предмета административно-наказуемого хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты равную пяти минимальным размерам оплаты труда.

Как отмечалось, в силу взаимозависимости границ уголовно-правового и административно-правового регулирования, предписания ст. 7.27 КоАП оказывают непосредственное влияние на определение стоимости предмета уголовно-наказуемых хищений. Соответственно, минимальный размер предмета хищений, квалифицируемых по ст.ст. 158, 159 и 160 УК РФ, в денежном эквиваленте составлял более пяти минимальных размеров оплаты труда.

Федеральным законом № 133-ФЗ от 31 октября 2002 г. в ст. 7.27 КоАП РФ были внесены изменения, согласно ко-

⁷³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. - № 29. – Ст. 3752.

торым хищение в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты признается мелким в случае, если стоимость похищенного не превышает одного минимального размера оплаты труда, а действия виновного не содержат квалифицирующих признаков, определенных в ч.ч. 2-4 ст. 158, ч.ч. 2, 3 ст. 159 и ч.ч. 2, 3 ст. 160 УК РФ.

Подобное сужение круга деяний, квалифицируемых по ст. 7.27 КоАП РФ, закономерно повлекло за собой расширение сферы действия уголовно-правовых норм об ответственности за совершение кражи, мошенничества, присвоения и растраты.

Следует особо подчеркнуть, что подобное изменение содержания названных уголовно-правовых норм произошло вследствие изменения изначально «неуголовного» нормативного акта (КоАП РФ), в то время как уголовный закон в части определения стоимости предмета хищения не изменился.

Вывод о том, что изменение «неуголовных» нормативных актов способно повлиять на содержание уголовно-правовых норм, подтверждает положение о необходимости признания нормативных актов иных отраслей права источниками уголовного права.

Обобщая наши рассуждения, отметим, что **признание нормативных актов иных отраслей права источниками уголовного права обусловлено бланкетным характером уголовного закона.**

В свою очередь, бланкетность представляет собой особую форму конструирования уголовного закона, при которой содержание уголовно-правовой нормы складывается

⁷⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. - № 6. – Ст. 585.

как из положений уголовного закона, так и положений нормативных актов иных отраслей права. Более того, при использовании бланкетной формы конструирования уголовного закона нормативные предписания другой отраслевой принадлежности становятся неотъемлемой частью уголовно-правовой нормы. И это может служить основанием для вывода о том, что **нормативные акты иной отраслевой принадлежности, наполняя своими положениями уголовно-правовую норму, должны рассматриваться в качестве источников уголовного права.**

С этим выводом согласилось более 70 % опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов.

Использование нормативных актов иных отраслей права в качестве источников уголовного права обеспечивает стабильность уголовного закона и, при необходимости, позволяет изменять фактическое содержание уголовно-правовой нормы без трансформации текста Уголовного кодекса. Именно в этом видится функциональное предназначение нормативных актов иных отраслей права, являющихся источниками уголовного права.

Еще раз подчеркнем, что речь идет о нормативных актах иных отраслей права как *источниках уголовного права*, но не уголовного законодательства, которое состоит исключительно из Уголовного кодекса (ч. 1 ст. 1 УК РФ). Подобное уточнение связано с тем, что отдельные специалисты, отрицая за нормативными актами иных отраслей права статус источника уголовного права, аргументируют свою позицию тем, что такие нормативные акты не входят в уголовное законодательство, их нельзя признать уголовными законами.

Так, например, критикуя точку зрения М.Д. Шаргородского о том, что источниками социалистического уголовного права становятся постановления и распоряжения Совета Министров, приказы и инструкции министров,⁷⁵ Н.Д. Дурманов писал: «С этим нельзя согласиться. Постановления Совета Министров СССР и Совета Министров союзных республик не определяют новых видов преступлений и не устанавливают наказания за них. Нельзя, например, считать *уголовными законами* (курсив наш. – Автор) Положение «Об охоте и охотничьем хозяйстве» ... или Правила техники безопасности для строительно-монтажных работ и т.д. В подобных актах конкретизируются бланкетные диспозиции уголовного закона».⁷⁶

Неоправданное смешение понятий «источник уголовного права» и уголовное законодательство допускает и И.В. Шишко. Считая, что нормативные акты иных отраслей права «не могут признаваться источником уголовного права и *составной частью уголовного законодательства* (курсив наш. – Автор)», И.В. Шишко приводит «важнейший правовой аргумент», который «развенчивает представление о связанных с бланкетными нормами УК актах других отраслей, как части уголовного законодательства». Неудивительно, что этим аргументом, по мнению И.В. Шишко, является ч. 1 ст. 1 УК РФ, которая ограничивает уголовное законодательство Уголовным кодексом и не включает нормативные акты иных отраслей права.⁷⁷

⁷⁵ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – М., 1948. – С. 30.

⁷⁶ Курс советского уголовного права. Т. 1. Уголовный закон. – М., 1970. – С. 157.

⁷⁷ Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. – СПб, 2004. – С. 76.

С тем, что уголовное законодательство состоит из Уголовного кодекса, вряд ли можно спорить. Однако, как представляется, это общеизвестное законодательное положение не может быть серьезным аргументом в пользу непризнания нормативных актов иных отраслей права источниками уголовного права, то есть формами выражения уголовно-правовых норм. Поскольку нормативные положения иной отраслевой принадлежности входят в содержание уголовно-правовой нормы, постольку и источниками уголовного права следует признавать нормативные акты иных отраслей права.

Признание нормативных актов иных отраслей права источниками уголовного права, разумеется, нельзя воспринимать как установление такими нормативными актами признаков состава преступления, как это делает Л.Д. Гаухман.

По его мнению, «в УК РФ отсутствует норма, регламентирующая... обусловленность уголовной ответственности нарушением других – не уголовных – законов и (или) иных нормативных правовых актов». Статья 8 УК РФ «ограничивает возможность уголовной ответственности совершением деяний, признаки составов которых предусмотрены исключительно в УК РФ, но не в других – не уголовных – законах и (или) иных нормативных правовых актах».⁷⁸

Подобного рода представления трудно признать безупречными.

Как известно, признаком состава преступления следует считать такое качество преступления, которое:

⁷⁸ Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке. – М., 2002. – С. 48-49.

а) вместе с другими признаками определяет общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость деяния;

б) выражает его отличие от других преступлений и правонарушений;

в) прямо указано в законе или однозначно вытекает из него при толковании;

г) не является производным от других признаков;

д) присуще всем преступлениям данного вида.⁷⁹

Исходя из подобного понимания признака состава преступления, становится очевидным, что при бланкетном способе конструирования уголовного закона нормативные акты иной отраслевой принадлежности не устанавливают новых признаков состава преступления. Другое дело, что установленные уголовным законом бланкетной конструкции признаки состава преступления конкретизируются, наполняются нормативными предписаниями иных отраслей права.

По этому поводу Н.Д. Дурманов отмечал, что содержание диспозиции уголовно-правовой нормы в бланкетной диспозиции статьи Особенной части определяется лишь в общих чертах. Конкретизирующие положения включаются в уголовно-правовую норму другими нормативными актами, на которые ссылается бланкетная диспозиция уголовного закона.⁸⁰

Мнение о том, что нормативные предписания других отраслей права лишь детализируют те признаки, которые в более общем виде сформулированы законодателем, разделяет и Н.И. Пикуров. Согласно его точке зрения, при блан-

⁷⁹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001. – С. 94-95.

⁸⁰ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М., 1967. – С. 123.

кетной конструкции уголовного закона проявляется противоречивость переменных признаков состава преступления: с одной стороны, они приведены в уголовном законе, а с другой – подлежат дальнейшей конкретизации.⁸¹

Разделяя мнение Н.Д. Дурманова и Н.И. Пикурова о том, что нормативные акты иной отраслевой принадлежности детализируют, конкретизируют признаки состава преступления, особо подчеркнем – такую конкретизацию нельзя воспринимать как установление новых, самостоятельных признаков состава преступления. В.Н. Кудрявцев в своей фундаментальной работе специально оговаривает, что «конкретизация признаков состава преступления не образует новых признаков».⁸²

Исходя из этого, следует признать, что нормативные акты иных отраслей права не устанавливают признаки составов преступлений; признаки составов преступлений могут быть определены исключительно Уголовным кодексом.

Стоит заметить, что это положение кладется отдельными теоретиками в основу вывода о непризнании нормативных актов иной отраслевой принадлежности источниками уголовного права.

Так, например, справедливо отмечая, что даже при бланкетной конструкции статей уголовного закона нормативные акты иных отраслей права не устанавливают признаков состава преступления, И.В. Шишко на этом основании приходит к выводу о том, что «нормы других отраслей права (сколь угодно часто ни обращаемся мы к ним при

⁸¹ Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград, 1998. – С. 157.

⁸² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001. – С. 99.

толковании бланкетных норм УК) не могут признаваться источником уголовного права».⁸³

Подобного рода представления трудно признать безупречными, поскольку они основываются на ошибочном отождествлении понятий «состав преступления» и «уголовно-правовая норма». Напомним, что, исходя из формально-юридического понимания источника права, таковым является форма установления, выражения правовой нормы. Соответственно, источником уголовного права следует признавать форму выражения уголовно-правовой нормы. Подчеркнем, что содержанием источника уголовного права является именно *уголовно-правовая норма*, но не признаки состава преступления. А коль скоро при использовании бланкетной формы конструирования уголовного закона уголовно-правовая норма содержательно включает положения нормативных актов иных отраслей права, последние следует признать источником соответствующей уголовно-правовой нормы и уголовного права в целом.

Итак, нормативные положения иной отраслевой принадлежности включаются в содержание уголовно-правовой нормы, но не устанавливают признаков состава преступления. Представляется, что в этом суждении нет противоречия, так как понятие «уголовно-правовая норма» является более широким по отношению к понятию «состав преступления».⁸⁴

В то же время, даже не устанавливая признаков состава преступления, нормативные акты иных отраслей пра-

⁸³ Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. – СПб, 2004. – С. 74-77.

⁸⁴ О соотношении состава преступления и уголовно-правовой нормы см.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001. – С. 57-58.

ва могут влиять и влияют на содержание уголовно-правового запрета. Наполняя отраслевыми предписаниями бланкетные признаки состава преступления, «неуголовные» нормативные акты непосредственным образом влияют на сферу действия уголовно-правового запрета.

Насколько это соответствует принципу законности, установленному ст. 3 УК РФ? Постановка такого вопроса, каким бы он не был для нас «неудобным», неизбежна.

Сложно отрицать тот факт, что сама возможность зависимости содержания уголовно-правового запрета от «неуголовных» нормативных предписаний не в полной мере соответствует принципу законности, в том виде, в котором он сформулирован в ст. 3 УК РФ.

С другой стороны, следует признать объективную неизбежность использования бланкетной формы конструирования уголовного закона.

Как отмечается в уголовно-правовой литературе, в условиях научно-технического прогресса общество и государство должны принимать комплексные меры социальной и правовой защиты от вредного влияния техногенных факторов, и, прежде всего, «путем установления юридической ответственности (в том числе уголовно-правовой) за нарушение нормативно-технической документации, регламентирующей правила безопасности и эксплуатации техники».⁸⁵

Очевидно, что адекватная уголовно-правовая охрана личности, общества и государства от воздействия техногенных факторов предполагает формулирование уголовно-правовых норм посредством не только собственно уголов-

⁸⁵ Васильев А.И. Проблемы социальной и уголовно-правовой оценки преступлений техногенного характера: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997. – С. 4.

ных предписаний, но и путем включения в норму уголовного права различного рода «технических» предписаний, относящихся к иным отраслям права.

Неизбежность «имплантации» нормативного материала иной отраслевой принадлежности в «ткань» уголовного права продиктована также таким свойством правовой системы как ее интегративность. Именно в результате интегративности каждый ее компонент (подсистема) функционирует лишь во взаимодействии с другими.⁸⁶

В любом случае факт остается фактом – существует объективная необходимость использования бланкетной формы конструирования уголовного закона и, как следствие, включения в содержание уголовно-правовых норм нормативных предписаний иных отраслей права. И этот изначально «неуголовный» нормативный материал влиял и будет непосредственным образом влиять на содержание уголовно-правового запрета.

В этой связи Н.И. Пикуров довольно точно подметил: «Задача не в том, чтобы вытеснить из уголовного права нормативный материал иных отраслей, а в том, чтобы добиться такого уровня законодательной техники и практики применения уголовно-правовых норм, при которых опасность для принципов уголовного права была сведена к минимуму».⁸⁷

Очевидно, что использование нормативных актов иных отраслей права в качестве источников уголовного права должно осуществляться в рамках уголовно-правовых принципов. С другой стороны, принципы уголовного права

⁸⁶ Керимов Д.А. Законодательная техника. – М., 1998. – С. 78.

⁸⁷ Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград, 1998. – С. 101.

должны адекватно отражать объективную реальность. Сказанное относится, прежде всего, к принципу законности, который, на наш взгляд, не в полной мере отражает зависимость уголовно-правовых запретов от нормативных актов иных отраслей права.

В этой связи позволим себе довольно смелый вывод о том, что принцип законности, в том виде, в котором он сформулирован в ст. 3 УК РФ, требует определенной ревизии, с тем, чтобы признать возможность влияния нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности на содержание уголовно-правовых запретов.

Итак, промежуточным итогом нашего исследования является обоснование необходимости признания нормативных актов иных отраслей права источниками уголовного права. Далее необходимо выработать понятие нормативного акта, являющегося источником уголовного права.

§ 2. Понятие нормативного акта иной отрасли права, являющегося источником уголовного права

Исследуя обусловленность признания нормативных актов других отраслей права источником уголовного права, мы пришли к заключению, что в силу бланкетности уголовного законодательства нормативные акты иных отраслей права входят в источниковую базу уголовного права.

Настало время выработать понятие нормативного акта иной отрасли права, являющегося источником уголовного права, для чего необходимо исследовать его существенные признаки. И в первую очередь следует определиться с пониманием самого термина «нормативный акт».

Следует отметить, что в общетеоретической правовой литературе наряду с термином «нормативный акт» в качестве синонимичного используется понятие «нормативно-правовой акт».

Энциклопедический юридический словарь понимает под нормативно-правовым актом властное предписание государственных органов, которое устанавливает, изменяет или отменяет нормы права (закон, кодекс, постановление, инструкция и др.).⁸⁸

Инициативный проект федерального закона «О законах и иных нормативно-правовых актах РФ» определяет нормативно-правовой акт как акт, изданный полномочным на то органом государственной власти и содержащий правовые нормы, т.е. общие предписания (правила) постоянного или временного действия, применение которых обязательно (ч. 1 ст. 2 Проекта).

При этом к числу нормативно-правовых актов разработки проекта относят Конституцию РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, постановления палат Федерального Собрания, указы и распоряжения президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, приказы и постановления министров и руководителей других центральных федеральных органов исполнительной власти (ч. 2 ст. 2 Проекта).⁸⁹

Официальное определение нормативного акта дается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 27 апреля 1993 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлению прокуроров о признании правовых актов, противоречащих закону».

По мнению Пленума Верховного Суда РФ, нормативно-правовым является акт, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные актом.⁹⁰

Несмотря на довольно существенные расхождения приведенных дефиниций нормативного акта, их объединяет признание того обстоятельства, что определяющим признаком нормативного акта является установление им правовых норм. При этом нормативно-правовой акт может быть пред-

⁸⁸ Энциклопедический юридический словарь / Под. общ. ред. В.Е. Крутских. – М., 1998. – С. 197.

⁸⁹ Поленина С.В., Лазарев Б.М., Лившиц Р.З., Козлов А.Е., Глушко Е.К. Инициативный проект федерального Закона о законах и иных нормативно-правовых актах РФ // Государство и право. – 1995. - № 3. – С. 61.

⁹⁰ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. – М., 1995. – С. 331.

ставлен как в форме закона (федерального или регионального) или подзаконного акта.

В первую очередь, учитывая федеративную форму территориального устройства России, возникает вопрос о том, возможно ли при бланкетной конструкции уголовного закона считать источниками уголовно-правовых норм региональные нормативные акты?

В теории уголовного права такая постановка вопроса, главным образом, имеет место при анализе отдельных видов преступлений.⁹¹

Так, В.А. Егоров, исследуя налоговые преступления, приходит к выводу о том, что привлечение к уголовной ответственности за уклонение от уплаты региональных и местных налогов, которые обязательны к уплате на территории соответствующих субъектов РФ и муниципальных образований и вводятся нормативными актами этих субъектов, недопустимо. При ином подходе, считает В.А. Егоров, нарушался бы уголовно-правовой принцип равенства граждан в зависимости от региона пребывания налогоплательщика.⁹²

⁹¹ См., например: Виноградова Е.В. Преступления против экологической безопасности: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2001. – С. 32-34; Егоров В.А. Налоговые преступления и их предупреждение: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 1999. – С. 7; Минская В. Уголовно-правовое обеспечение применения норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Уголовное право. – 1999. - № 3. – С. 32; Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство. – М., 2001. – С. 13.

⁹² Егоров В.А. Налоговые преступления и их предупреждение: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 1999. – С. 7. Эта научная позиция вызвала критику со стороны исследователей, которые признают региональные и местные налоги предметом налоговых преступлений (См.: Шишко И.В., Хлупина Г.Н. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации // Юридический мир. – 1999. - № 8; Лопашенко Н.А. Спорные вопросы понимания и квалификации налоговых

В том же ключе рассуждает Б.В. Волженкин, по мнению которого «бланкетные нормы об ответственности за уклонение от уплаты налогов, сформулированные в ст. 198 и 199 УК РФ, не могут иметь разное содержание в различных регионах страны. В противном случае круг преступного не будет одинаков в зависимости от региона».⁹³

Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 171 УК РФ, М. Нафиков и В. Минская отмечают, что уголовная ответственность за незаконное предпринимательство наступает лишь за нарушение правил регистрации и лицензирования, установленных федеральным законодательством, но не нормативными актами субъектов Российской Федерации.⁹⁴

Полностью разделяя высказанные точки зрения, считаем, что решение вопроса о возможности или недопустимости признания региональных нормативных актов источником уголовного права должно иметь принципиальный характер (вне зависимости от вида преступления, уголовная ответственность за совершение которого установлена бланкетным способом).

Основанием для такого решения являются, на наш взгляд, положения Конституции РФ и принципы уголовного права.

Конституция РФ устанавливает важнейшее принципиальное положение о том, что все равны перед законом и

преступлений (в порядке инициирования дискуссии) // Юрист. – 2001. - № 6. – С. 47.).

⁹³ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). – СПб, 2002. – С. 484.

⁹⁴ Нафиков М. Квалификация незаконного предпринимательства // Российская юстиция. – 1999. - № 3. – С. 42; Минская В. Уголовно-правовое обеспечение применения норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Уголовное право. – 1999. - № 3. – С. 32.

судом (ч. 1 ст. 19), а государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (ч. 2 ст. 19).

В развитие конституционных предписаний ст. 4 УК РФ провозглашает равенство лиц, совершивших преступление, перед уголовным законом независимо от тех же социально-демографических характеристик (пол, раса, национальность, язык, происхождение, имущественное и должностное положение, место жительства, отношение к религии, убеждения, принадлежность к общественным объединениям).

Как отмечается в специальной литературе, уголовно-правовой принцип равенства лиц перед законом предполагает, прежде всего, равные основания уголовной ответственности и равную обязанность лиц, совершивших преступление, понести такую ответственность.⁹⁵

Таким образом, принцип равенства означает применение уголовного права в качестве «равной меры», «одинакового масштаба» ко всем лицам, совершившим преступление.⁹⁶

Равенство граждан перед законом обеспечивается, в первую очередь, установлением единого основания уголов-

⁹⁵ Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – М., 1988. – С. 89; Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2001. – С. 46; Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – М., 2002. – С. 86-91; Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб., 2001. – С. 50.

⁹⁶ Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – М., 1988. – С. 88.

ной ответственности, в качестве которого выступает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления (ст. 8 УК РФ).

Кроме того, учитывая федеративное устройство России, важнейшей гарантией равенства граждан перед законом является конституционное предписание о том, что уголовное законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции РФ). Конституционно закрепленное отнесение уголовного законодательства к компетенции федерального центра, по существу, обеспечивает равенство перед уголовным законом лиц, совершивших преступление, вне зависимости от места их жительства.

Однако нам представляется, что применительно к бланкетной конструкции уголовного закона последовательная реализация уголовно-правового принципа равенства в условиях федеративного устройства государства предполагает не только формальное, но и содержательное единство уголовно-правовых норм во всех субъектах федерации.

Как отмечалось, при бланкетном способе конструирования уголовного закона содержание соответствующих уголовно-правовых норм напрямую зависит от нормативных положений иной отраслевой принадлежности. Следовательно, применение норм уголовного права в качестве «одинакового масштаба» становится недостижимым в случае, если их источником признавать региональные нормативные акты.

Действительно, использование региональных нормативных актов в качестве источника уголовного права, по сути дела, означает возможность варьирования круга уго-

ловно-наказуемых деяний в различных субъектах Российской Федерации.

В качестве примера рассмотрим ситуацию, которая уже становилась предметом доктринального анализа.

Известно, что содержание уголовно-правовой нормы об ответственности за незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) непосредственным образом зависит от законодательства в области лицензирования.

На момент вступления в силу Федерального закона от 25 сентября 1998 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности» в г. Москве действовало Постановление правительства Москвы от 15 августа 1995 г. «О совершенствовании системы лицензирования деятельности на территории г. Москвы». К числу видов деятельности, подлежащих обязательному лицензированию на территории г. Москвы, были отнесены производство и реализация продуктов питания, хотя на уровне федерального закона названные виды деятельности лицензированию не подлежали.

Применение регионального нормативного акта при установлении признаков незаконного предпринимательства, приводило к тому, что одно и то же деяние в г. Москве квалифицировалось по ст. 171 УК РФ, а в других субъектах федерации считалось непроступным.⁹⁷

Очевидно, что подобное региональное различие в содержании уголовно-правового запрета не соответствует принципу равенства граждан перед уголовным законом в зависимости от места их жительства.

⁹⁷ См.: Устинова Т. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство // Уголовное право. – 1999. - № 1. – С. 26-27; Минская В. Уголовно-правовое обеспечение применения норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Уголовное право. – 1999. - № 3. – С. 32.

Возможны ситуации и обратного порядка, когда вследствие использования в качестве источника уголовного права регионального нормативного акта, произошла, по существу, неоправданная частичная декриминализация деяния, причем в рамках лишь одного субъекта федерации.

Так, диспозиция ст. 258 УК РФ, сформулированная бланкетным образом, включает термин «охота», содержание которого раскрывается в нормативных актах, относящихся к природоохранному законодательству.

Согласно п. 10 Положения об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР, утвержденном постановлением Совета Министров РСФСР от 10 октября 1960 г. № 1548,⁹⁸ охотой признается выслеживание с целью добычи, преследование и сама добыча диких зверей и птиц. Нахождение в охотничьих угодьях с оружием, собаками, ловчими птицами, капканами и другими орудиями охоты либо с добытой продукцией охоты приравнивается к охоте.

Заметим, что в силу буквального толкования названного нормативного акта федерального уровня охотой следует признавать нахождение в охотничьих угодьях с оружием, вне зависимости от наличия или отсутствия на нем чехла.

В то же время, Закон Камчатской области от 3 августа 2001 г. «Об охоте и охотничьем хозяйстве в Камчатской области» установил, что к охоте приравнивается нахождение в охотничьих угодьях *лишь с незачехленным* охотничьим оружием.

Таким образом, использование в качестве источника уголовно-правовой нормы о незаконной охоте Закона Кам-

⁹⁸ Собрание постановлений Правительства РСФСР. – 1960. - № 34. – Ст. – 164.

чатской области от 3 августа 2001 г. «Об охоте и охотничьем хозяйстве в Камчатской области» не позволит применять ст. 258 УК РФ к лицам, находящимся в охотничьих угодьях с зачехленным оружием.

В то же самое время, аналогичное деяние, совершенное в других субъектах Российской Федерации, квалифицируется по ст. 258 УК РФ (разумеется, при наличии признака незаконности охоты, и иных признаков состава преступления – п.п. «а»–«г» ч. 1 ст. 258 УК РФ).

Нетрудно заметить очевидное нарушение принципа равенства граждан перед уголовным законом в зависимости от места жительства, которое явилось следствием использования в качестве источника уголовного права регионального нормативного акта.

Во многом именно по этой причине Закон Камчатской области от 3 августа 2001 г. «Об охоте и охотничьем хозяйстве в Камчатской области» в части слов «с зачехленным оружием» был опротестован прокурором Камчатской области и признан решением Камчатского областного суда не подлежащим применению. Верховный Суд РФ подтвердил позицию Камчатского областного суда, указав в своем решении, что «нахождение в охотничьих угодьях с оружием, независимо от наличия на оружии чехла, приравнивается к охоте».⁹⁹

Учитывая, что «государственно-правовое единство федерации предполагает... единство основных прав и свобод граждан в каждом субъекте и федерации в целом»,¹⁰⁰ еще

⁹⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. - № 5. – С. 14-15.

¹⁰⁰ Бушуев И.И. Разделение властей в федеративном государстве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – С. 12.

раз подчеркнем, что региональные различия в содержании уголовно-правового запрета недопустимы.

Соответственно, признание региональных нормативных актов источниками уголовно-правовых норм при бланкетной конструкции уголовного закона противоречит принципу равенства перед уголовным законом в зависимости от места жительства.

Таким образом, **при бланкетном способе конструирования уголовного закона источниками уголовно-правовых норм следует признавать «неуголовные» нормативные акты только федерального уровня.**¹⁰¹

С этим выводом согласилось 72 % опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов.

Сделанное заключение представляется весьма важным. Однако к числу «неуголовных» нормативных актов федерального уровня, являющихся источниками уголовного права, относятся не только федеральные законы, но и федеральные подзаконные нормативные акты.

В этой связи в теории уголовного права поднимается проблема гарантированности прав граждан в сфере применения уголовной репрессии, основания которой связываются с ведомственными и другими локальными нормативными предписаниями.¹⁰²

¹⁰¹ В этой связи представляется вполне резонным мнение Ю.Е. Пудовочкина и С.С. Пирвагидова о том, что необходима «некоторая корректировка законодательных формул: традиционное «нарушение правил» вполне логично заменить на «нарушение федеральных правил» (См.: Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых государств. – СПб., 2003. – С. 175.).

¹⁰² См., например: Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград, 1998. – С. 100.

Л.Д. Гаухман, справедливо отмечая, что «в бланкетных нормах УК РФ содержатся ссылки не только на законы, но и на другие нормативные правовые акты», считает подобную ситуацию недопустимой.

Такое положение, по мнению автора, «создает исполнительной власти возможность непосредственно влиять на изменение – расширение или ограничение – сферы уголовной ответственности, тогда как это является исключительной прерогативой законодательной власти, и тем самым вносит в процесс формирования правового государства элементы полицейского государства. Природа же правового государства диктует необходимость того, чтобы сфера уголовной ответственности определялась, регулировалась, изменялась только законодателем и ни при каких условиях органами исполнительной власти».¹⁰³

Соглашаясь с этим утверждением, Ю.Е. Пудовочкин и С.С. Пирвагидов признают «допустимым конструирование только таких уголовно-правовых норм с бланкетными диспозициями, которые содержат отсылку к федеральным конституционным или федеральным законам».

Аргументируя это положение, они ссылаются на то обстоятельство, что уголовное право – специфическая отрасль права, связанная с весьма существенным ущемлением правового статуса личности. А потому конституционное предписание о том, что права и свободы человека могут

¹⁰³ Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке. – М., 2002. – С. 51.

быть ограничены только федеральным законом, приобретает здесь особую значимость.¹⁰⁴

Считая недопустимым признание источниками уголовного права нормативных актов подзаконного уровня, выше-названные специалисты упускают из вида ряд немаловажных обстоятельств.

Дело в том, что «основное предназначение подзаконных нормативных актов, уточняющих бланкетные признаки состава преступления, служить регулятором правоотношений, которые порождены не уголовным законом, а законодательством иной отраслевой принадлежности. УК лишь соединяет их с предписаниями своей отрасли, образуя полную уголовно-правовую норму».¹⁰⁵

Так, Правила пожарной безопасности в Российской Федерации, утвержденные приказом МВД России от 14 декабря 1993 г. (с последующими изменениями и дополнениями), изначально были предназначены для конкретизации положений Федерального закона от 18 ноября 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (с последующими изменениями и дополнениями),¹⁰⁶ но не для целей применения ст. 215-1 УК РСФСР 1960 г. «Нарушение правил пожарной безопасности». Однако в силу бланкетной конструкции ст. 215-1 УК РСФСР 1960 г. ее применение сопровождалось ссылкой на указанные Правила.

Показательным является тот факт, что принятие УК РФ 1996 г. нисколько не повлияло на содержание Правил

¹⁰⁴ Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых государств. – СПб., 2003. – С. 174-176.

¹⁰⁵ Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград, 1998. – С. 160.

¹⁰⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. - № 35. – Ст. 3649.

пожарной безопасности. Тем не менее, их следует расценивать в качестве источника действующей уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил пожарной безопасности (ст. 219 УК РФ).

Аналогичным образом обстоит дело с Правилами дорожного движения Российской Федерации, которые, будучи изначально принятыми для конкретизации Федерального закона от 15 ноября 1995 г. «О безопасности дорожного движения»,¹⁰⁷ используются также в целях применения ст. 264 УК РФ.

Таким образом, подзаконные нормативные акты, к которым отсылает уголовный закон, являясь источниками соответствующих уголовно-правовых норм, изначально принимаются в развитие отраслевых федеральных законов и предназначены для реализации своих собственных отраслевых функций.

Кроме того, не будет лишним заметить, что непризнание подзаконных нормативных актов иной отраслевой принадлежности источниками уголовного права, по существу, нивелирует саму суть бланкетной формы конструирования уголовного закона – способность «сочетать стабильность уголовного закона с оперативностью подзаконных нормативных предписаний, чутко реагирующих на изменения в общественной жизни».¹⁰⁸

В этой связи В.Н. Кудрявцев справедливо указывает, что «в ряде отраслей хозяйства только детализированные правовые акты, вроде правил по технике безопасности,

¹⁰⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - № 50. – Ст. 4873.

¹⁰⁸ Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград, 1998. – С. 153.

могут предусмотреть разнообразные виды общественно опасных действий».¹⁰⁹

Очевидно, что федеральный закон как нормативный акт, обладающий высшей юридической силой и регулирующий наиболее важные общественные отношения,¹¹⁰ не способен (да и не должен) регламентировать различного рода специальные правила безопасности.

Иерархическое построение отраслевого законодательства (в широком смысле этого слова) предполагает согласованное действие различных по юридической силе нормативных актов. При этом федеральному закону отводится роль регулятора наиболее важных, принципиальных отношений. Подзаконные же нормативные акты органов исполнительной власти, принимаясь на основании и во исполнение федеральных законов, регулируют отношения на более конкретном уровне, конкретизируют, детализируют положения закона.

Показательной в этом отношении является позиция разработчиков инициативного проекта Федерального закона «О законах и иных нормативно-правовых актах РФ», согласно которой на уровне федерального закона должны регулироваться:

1) установление правового статуса граждан, в том числе основных прав и свобод личности, способов их охраны, юридической ответственности и применения мер принуждения по отношению к гражданам;

¹⁰⁹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001. – С. 112.

¹¹⁰ Энциклопедический юридический словарь / Под. общ. ред. В.Е. Крутских. – М., 1998. – С. 104.

2) условия создания и деятельности общественных объединений;

3) определение порядка формирования и работы органов законодательной, исполнительной и судебной властей РФ;

4) установление всех видов федеральных налогов, их отмена и изменение;

5) уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, гражданско-процессуальное, административно-процессуальное законодательство; законодательство о судеустройстве, прокуратуре, адвокатуре, других правоохранительных органах;

6) семейное законодательство;

7) правовой статус средств массовой информации.¹¹¹

Специалисты в области теории права объясняют «тяготение» органов исполнительной власти к нормотворческой деятельности, главным образом, обилием федеральных законов «непрямого действия», требующих дополнительной регламентации.¹¹²

Так, в силу прямого указания ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 10 декабря 1997 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утверждается Правительством Российской Федерации по представлению федерального органа исполнительной власти в

¹¹¹ Поленина С.В., Лазарев Б.М., Лившиц Р.З., Козлов А.Е., Глушко Е.К. Инициативный проект федерального Закона о законах и иных нормативно-правовых актах РФ // Государство и право. – 1995. - № 3. – С. 62.

¹¹² Полянский И.А. Правовая природа исполнительной власти и ее место в организации государственной власти // Правоведение. – 1999. - № 4. – С. 24.

области здравоохранения и федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел.¹¹³

Соответственно, источниками уголовно-правовых норм об ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов следует признавать как Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», так и постановление Правительства РФ, утверждающее Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации.

В теории права обосновано считается, что попытка решить на уровне федерального закона те вопросы, которые должны решаться на более низких уровнях иерархической системы нормативных актов, является одной из причин низкого качества законов.¹¹⁴

Верховенство закона, по мнению В.М. Баранова, не должно пониматься как абсолютная данность, законодательство не может «подавлять», «подминать под себя» другие источники права, у каждого из которых есть своя «ниша» действия.¹¹⁵

В контексте вышеизложенных рассуждений, следует признать, что регламентация различного рода специальных правил безопасности (к которым отсылает уголовный закон) на уровне подзаконных нормативных актов социально обусловлена. А поскольку «подзаконные акты всегда ближе

¹¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. - № 2. – Ст. 219.

¹¹⁴ Халфина Р.О. Почему не работает закон? // Журнал российского права. – 1997. - № 4. – С. 20.

¹¹⁵ Законодательство Российской Федерации: теоретические вопросы, проблемы и перспективы: «Круглый стол» журнала // Государство и право. – 1992. - № 10. – С. 14.

к непосредственной социальной практике»,¹¹⁶ их использование в качестве источника уголовного права позволяет сочетать стабильность уголовного закона с оперативностью подзаконных нормативных предписаний органов исполнительной власти.

Исследуя проблему обусловленности признания нормативных актов иной отраслевой принадлежности источниками уголовного права, мы пришли к выводу о том, что предпосылкой такого признания является бланкетность уголовного закона. Вследствие использования бланкетной формы конструирования уголовного закона, содержание соответствующих уголовно-правовых норм дополняется изначально нормативными предписаниями иных отраслей права. Соответственно, в случае бланкетности уголовного закона содержание уголовно-правовой нормы складывается из собственно уголовных отраслевых предписаний и «неуголовного» нормативного материала.

Однако имеют место неоднозначно воспринимающиеся в юридической науке случаи, когда правовая норма, непосредственно относящаяся к сфере уголовно-правового регулирования, в полном объеме формулируется в нормативном акте иной отраслевой принадлежности. При этом в уголовном законе соответствующая ссылка на нормативный акт иной отрасли права отсутствует.

К примеру, в соответствии с ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляю-

¹¹⁶ Полянский И.А. Правовая природа исполнительной власти и ее место в орга-

щим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступления, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности.

Тем самым, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», по существу, регламентирует специальное основание освобождения от уголовной ответственности, не предусмотренное УК РФ.

Учитывая, что эти нормативные акты равны по юридической силе, ряд специалистов в области уголовного права полагает необходимым в соответствующих случаях применять положения ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» как более мягкие, по сравнению с предписаниями УК РФ об освобождении от уголовной ответственности.¹¹⁷

Следовательно, в свете приведенных выше суждений, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» необходимо признавать источником уголовного права, содержащим самостоятельную уголовно-правовую норму об освобождении от уголовной ответственности.

Подобная научная позиция не выдерживает критики с точки зрения принципиального положения уголовного права о том, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом (ч. 1 ст. 3 УК РФ).

В принципе, нормативный акт иной отрасли права может использоваться в качестве источника уголовно-

низации государственной власти // Правоведение. – 1999. - № 4. – С. 25.

¹¹⁷ Аликперов Х.Д., Курбанова К.Ш. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности // Государство и право. – 2000. - № 1. – С. 57-58; Аликперов Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Законность. – 1999. - № 5. – С. 20-21.

правовых норм об освобождении от уголовной ответственности.

Так, например, для установления факта возмещения причиненного ущерба – условия применения деятельного раскаяния (ч. 1 ст. 75 УК РФ) – возникает необходимость обращения к нормам гражданского права, регламентирующим соответствующий правовой институт. Однако в этом случае нормативные предписания гражданского права дополняют содержание уголовно-правовой нормы, но не содержат ее в полном объеме.

Проблемы юридической силы самостоятельных правовых норм, относящихся к сфере уголовно-правового регулирования, но установленных «неуголовными» нормативными актами, особо остро возникают применительно к Уголовно-процессуальному кодексу РФ 2001 г.

Дело в том, что УПК РФ содержит ряд нормативных предписаний, выходящих за пределы предмета уголовно-процессуального права и вторгающихся в сферу уголовно-правового регулирования.

Как иронично выразился А.Е. Якубов, «очевидно, процессуалисты, несмотря на множество своих проблем, почувствовали себя тесно в рамках уголовно-процессуального законодательства и решили принять активное участие в «совершенствовании» законодательства уголовного».¹¹⁸

Так, ч. 1 ст. 314 УПК РФ устанавливает, что обвиняемый вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с

¹¹⁸ Якубов А.Е. Некоторые вопросы соотношения Уголовного и Уголовно-процессуальных кодексов РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2003. - № 2. – С. 38.

предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренные УК РФ, не превышает пяти лет свободы.

В ч. 2 ст. 316 УПК РФ определены правовые последствия согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, то он постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Между тем, уголовное законодательство не предусматривает подобных формальных правил назначения наказания при согласии подсудимого с предъявленным обвинением.

Полагаем, что названные предписания не имеют юридической силы, поскольку, во-первых, противоречат уголовно-правовому принципу законности (ст. 3 УК РФ), а во-вторых, оказываются в изоляции от норм уголовного права.

Как известно, по своему существу процессуальные нормы – это нормы процедурного характера, обеспечивающие правильное применение материальных уголовно-правовых установлений, а сам уголовный процесс «всецело

посвящен выявлению материального правоотношения ответственности». ¹¹⁹

Таким образом, материальное уголовно-правовое отношение ответственности выступает в качестве исходного для уголовного процесса. Возникновение, изменение, прекращение процессуального правоотношения зависит от развития материального отношения ответственности.

Следовательно, анализируемые предписания ч. 2 ст. 316 УПК РФ являются нелегитимными и могут «заработать» только в случае регламентации специальных правил назначения наказания при согласии подсудимого с предъявленным обвинением непосредственно в уголовном законе.

Таким образом, установление самостоятельных уголовно-правовых норм в «неуголовных» нормативных актах противоречит принципу законности (ст. 3 УК РФ), а соответствующие нормативные акты не могут расцениваться в качестве источника уголовного права.

В этой связи представляется верным суждение Н.И. Пикурова о том, что «неуголовные» нормативные предписания могут выполнять функции регулирования общественных отношений в сфере уголовной ответственности лишь «посредством взаимосвязи с нормами уголовного права, причем лишь при наличии прямой или подразумеваемой ссылки в УК». ¹²⁰

Исследование признаков нормативного акта иной отрасли права, являющегося источником уголовного права,

¹¹⁹ Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. – М., 1991. – С. 49.

¹²⁰ Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград, 1998. – С. 97.

позволило нам сформулировать понятие такого нормативно-го акта.

Нормативный акт иной отрасли права, являющийся источником уголовного права, можно определить как закон или подзаконный акт федерального уровня, положения которого влияют на содержание уголовно-правовой нормы.

С таким определением согласилось более 70 % респондентов.

ГЛАВА II. ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ИСТОЧНИКАМИ КОТОРЫХ ЯВЛЯЮТСЯ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ ИНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Важнейшей формой реализации уголовно-правовых норм является их применение. Применение уголовно-правовых норм – это «государственно-властная деятельность компетентных органов и должностных лиц ..., направленная на решение вопроса (положительное или отрицательное) об уголовной ответственности и наказании лица, совершившего преступление, либо устанавливающая правомерность поступков лица и освобождающая его от уголовной ответственности и наказания».¹²¹

Деятельность правоохранительных органов по применению уголовно-правовых норм в целях более глубокого научного анализа принято условно делить на определенные этапы, стадии:

- установление фактических обстоятельств содеянного;
- установление, нахождение уголовно-правовой нормы, подлежащей применению, включая и проверку подлинности нормы, ее юридической силы, а также ее толкование;
- принятие решения по существу, оформляемого в виде акта применения уголовно-правовой нормы.¹²²

Применение уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права, отличается определенной спецификой.

¹²¹ Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. – М., 1973. – С. 44-45.

¹²² Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М., 1967. – С. 90,92, 105-106; Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. – М., 1973. – С. 45.

Так, в процессе поиска уголовно-правовой нормы, подлежащей применению, возникает необходимость установления конкретного нормативного акта (актов) иной отрасли права, являющегося ее источником наряду с уголовным законом.

Весьма существенными особенностями отличается толкование уголовно-правовой нормы, источниками которой являются нормативные акты иной отраслевой принадлежности.

Кроме того, полиисточниковый характер применяемых уголовно-правовых норм порождает значительные особенности их действия во времени.

Наконец, весьма специфичным является процесс квалификации преступления по уголовно-правовым нормам, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права.

Обозначенные вопросы заслуживают специального исследования в рамках настоящей работы.

§ 1. Установление содержания уголовно-правовой нормы, источниками которой являются нормативные акты иных отраслей права

Применение уголовно-правовых норм, сформулированных бланкетным способом, в первую очередь, предполагает установление ее полного содержания.

Между тем, как отмечалось, при бланкетной конструкции уголовного закона содержание уголовно-правовой нормы складывается из нормативных предписаний Уголовно-

го кодекса и нормативного материала иных отраслей права.

Следовательно, в силу бланкетной формы конструирования уголовного закона, для применения уголовно-правовой нормы необходимо определить круг нормативных актов иной отраслевой принадлежности, которые являются источниками соответствующей нормы. Иными словами, необходимо установить конкретный нормативный акт иной отрасли права или перечень «неуголовных» нормативных актов, нормативные положения которых входят в содержание уголовно-правовой нормы.

Между тем, как справедливо отмечает Л.Д. Гаухман, в ряде норм с бланкетными диспозициями¹²³ сделаны ссылки не на конкретные законы и (или) другие нормативные правовые акты, а на целые правовые институты, порой, точно не очерченные, регламентирующие определенные сферы общественных отношений, каждый из которых складывается из совокупности норм, установленных в разных законах и (или) иных нормативных правовых актах. Подобное положение, – пишет Л.Д. Гаухман, возлагает на практического работника, применяющего уголовно-правовые нормы, дополнительные обязанности – знать нормы, составляющие правовой институт, регулирующий соответствующие отношения, и уметь отыскать те нормы, нарушение которых содержит признаки преступления.¹²⁴

¹²³ Как отмечалось, правильнее говорить о статьях уголовного закона с бланкетной диспозицией, поскольку уголовно-правовая норма, в том числе и сформулированная бланкетным способом, всегда конкретна, объективно существует в полном объеме.

¹²⁴ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М., 2003. – С. 241.

Сказанное, на наш взгляд, относится не только к бланкетной диспозиции статей уголовного закона, но и к любому варианту проявления бланкетности (бланкетные признаки, «скрытая» бланкетность).

Таким образом, использование бланкетной формы конструирования статей уголовного закона предопределяет необходимость установления в процессе правоприменительной деятельности конкретных нормативных актов, положения которых входят в содержание соответствующих уголовно-правовых норм.

Эта задача может не вызывать существенных затруднений в тех сравнительно редких случаях, когда в тексте уголовного закона прямо указан нормативный акт, предписания которого дополняют содержание уголовно-правовой нормы.

Так, например, ст. 264 УК РФ для определения признаков преступления отсылает к правилам дорожного движения, ст. 219 УК РФ – к правилам пожарной безопасности, а в ст. 217 УК РФ прямо говорится о нарушении правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий.¹²⁵

В других статьях законодатель называет нормативные предписания, с которыми связан уголовный закон, в самом общем виде. На это обстоятельство обращал внимание еще

¹²⁵ Следует отметить, что, по мнению И.В. Шишко, в ст.ст. 219 и 264 УК РФ отсутствует указание на нормативные акты иной отраслевой принадлежности, а имеет место лишь совпадение с наименованием таких нормативных актов. Если бы законодатель действительно указывал одноименные акты в диспозиции, - пишет И.В. Шишко, - то признак «правила» излагался бы не со строчной, а с заглавной буквы (Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. – СПб, 2004. – С. 56).

Н.Д. Сергеевский, который писал, что при использовании бланкетной формы конструирования уголовного закона «закон уголовный в диспозиции своей указывает лишь самым общим образом тот источник права, в котором должны быть установлены определительные нормы, за нарушение которых полагается наказание».¹²⁶

К примеру, ст. 190 УК РФ устанавливает ответственность за невозвращение в установленный срок на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран, вывезенных за ее пределы, если такое возвращение является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации. В ст. 191 УК РФ говорится о совершении сделки, связанной с драгоценными металлами, природными драгоценными камнями либо с жемчугом, в нарушение правил, установленных законодательством Российской Федерации.

Однако гораздо чаще нормативные акты, предписания которых включаются в содержание уголовно-правовой нормы, ни прямо, ни в общем виде не называются. В тексте статьи уголовного закона имеется лишь указание на «незаконность» (например, ст.ст. 170, 176 УК РФ) или «неправомерность» (например, ст. 169, ч. 2 ст. 195 УК РФ) совершения определенных деяний.

Представляется, что отсутствие указания на конкретные нормативные акты иных отраслей права, являющиеся источником соответствующей уголовно-правовой нормы обусловлено интересами обеспечения стабильности уголовного закона. С другой стороны, использование такого ро-

¹²⁶ Пособие к лекциям Сергеевского Н.Д., заслуженного профессора С.-

да обобщенной ссылки на нормативные акты иных отраслей права, являющиеся источником уголовного права, порождает известные сложности в правоприменении.

В этих случаях для определения круга нормативных актов иных отраслей права, с которыми связан уголовный закон, необходимо прибегнуть к систематическому толкованию.

В первую очередь необходимо установить отрасль права, нормативные предписания которой входят в содержание уголовно-правовой нормы, сформулированной бланкетным способом.

При этом следует иметь в виду, что связь нормативных предписаний различных отраслей права, их способность образовывать полиисточниковые правовые нормы, объясняется, главным образом, системными свойствами предмета правового регулирования и правовой системы в целом.

В области уголовного права системные свойства общего предмета правового регулирования, его интегративность проявляются, прежде всего, в объекте уголовно-правовой охраны. Как известно, зачастую общественные отношения и интересы, составляющие содержание объекта уголовно-правовой охраны, также регулируются другими отраслями права с помощью присущих им методов. Достаточно вспомнить главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», чтобы убедиться в существовании самостоятельных отраслей права, также регулирующих отношения, составляющие объект уголовно-правовой охраны.

В специальных исследованиях неоднократно отмечалось, что нет таких отраслей права, с которыми бы не взаимодействовали уголовно-правовые нормы.¹²⁷ В то же время, нормативную инфраструктуру уголовного права, большей частью, составляют нормы гражданского и административного права. Это можно объяснить тем, что теснота связи нормативных предписаний зависит от близости сфер проявления регулируемых отношений.

Более того, можно говорить о том, что наличие нормативных актов, «параллельно» с уголовным правом регулирующих одни и те же общественные отношения, во многом обусловило бланкетность как особую форму конструирования уголовного закона.

Так, исследуя социальную обусловленность бланкетной диспозиции, Н.И. Пикуров пришел к выводу, что необходимость ее использования объясняется особенностями объекта уголовно-правовой охраны. Они заключаются в том, что определить наличие и степень причиненного преступлением вреда общественным отношениям можно только с помощью обращения к нормативным актам иных отраслей права, также регулирующим соответствующие отношения.¹²⁸

Суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что установление отрасли права, нормативные предписаниями которой входят в содержание уголовно-правовой нормы, следует начать с определения объекта уголовно-правовой охраны. Для этого необходимо проанализировать место со-

¹²⁷ Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. – Волгоград, 1973. – С. 25.

¹²⁸ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – С. 12.

ответствующей статьи Уголовного кодекса, сформулированную бланкетным способом, в системе Особенной части.

Установление круга общественных отношений и интересов, которые составляют содержание объекта уголовно-правовой охраны, является необходимой предпосылкой ответа на вопрос: какая отрасль права с помощью присущих ей методов также регулирует соответствующие отношения?

Так, например, общественные отношения и интересы по охране и рациональному использованию диких животных, являющиеся объектом незаконной охоты (ст. 258 УК РФ), регулируются также экологическим правом. Соответственно, для уяснения содержания признаков состава преступления необходимо обратиться к нормативным актам экологического права.

Определив правовую отрасль, предписания которой дополняют содержание уголовно-правовой нормы, сформулированной бланкетным способом, необходимо установить какой или какие именно нормативные акты являются источниками такой нормы.

Л.Д. Гаухман отмечает, что упоминаемые в тексте уголовного закона нормативные акты иных отраслей права расконцентрированы по различным источникам. Это создает дополнительные организационные трудности, порой на практике непреодолимые, требующие больших временных затрат, связанных с отысканием указанных источников. Кроме того, в уголовном законе содержатся ссылки не только на законы, но и на другие нормативные акты, причем нормы ряда законов еще и конкретизируются, детализируются,

разъясняются и порой корректируются иными нормативными правовыми актами.¹²⁹

Таким образом, устанавливая нормативные акты, являющиеся источниками уголовно-правовой нормы, следует принимать во внимание то обстоятельство, что правовые отрасли, с предписаниями которых связан уголовный закон, зачастую состоят из системы различных нормативных актов, различающихся по юридической силе. Причем такие нормативные акты регулируют соответствующие общественные отношения с различной степенью абстрактности.

В этой связи необходимо определить, нормативные акты какой юридической силы из числа относящихся к соответствующей отрасли следует использовать при применении уголовно-правовой нормы.

Разумеется, в качестве источника уголовно-правовой нормы, сформулированной бланкетным способом, предпочтительнее использовать нормативный акт, обладающий наибольшей юридической силой.

В то же время, по справедливому замечанию Н.И. Пикурова, нормативные акты, обладающие наименьшей юридической силой в иерархической системе нормативного материала, тоже могут применяться для конкретизации признаков состава преступления, даже если одновременно с ними действуют нормативные акты, обладающие большей юридической силой. Такое, по мнению Н.И. Пикурова, возможно в случаях, когда обладающий меньшей юридической силой нормативный акт вносит какие-либо новые элементы в ре-

¹²⁹ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М., 2003. – С. 242-243.

гулируемые общественные отношения, а не просто дублирует предписания более общего акта.¹³⁰

Действительно, как отмечается в уголовно-правовой литературе, в некоторых «неуголовных» законах, являющихся адресатами бланкетных статей УК РФ, зачастую также содержатся ссылки на подзаконные нормативные акты.¹³¹

Это можно объяснить тем, что некоторые нормативные акты, обладающие высшей юридической силой, не предназначены для непосредственного регулирования соответствующих общественных отношений и требуют опосредования другими нормами.¹³²

Так, например, в самом общем виде требования пожарной безопасности установлены Федеральным законом от 18 ноября 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» (с последующими изменениями и дополнениями).¹³³ Однако для применения уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил пожарной безопасности (ст. 219 УК РФ) предписаний этого закона явно недостаточно. По этой причине источником соответствующей уголовно-правовой нормы следует признать и Правила пожарной безопасности в Российской Федерации, утвержденные приказом МВД России от 14 декабря 1993 г. № 536 (с последующими изменениями и дополнениями),¹³⁴ которые конкретизируют сформу-

¹³⁰ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – С. 101.

¹³¹ Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке. – М., 2002. – С. 50-51.

¹³² Братусь С.Н. Теоретические вопросы системы советского законодательства. – М., 1962. – С. 152.

¹³³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. - № 35. – Ст. 3649.

¹³⁴ Российские вести. – 1994, 19 января.

лированные в общем виде предписания Федерального закона «О пожарной безопасности».

Таким образом, источником уголовно-правовой нормы, сформулированной бланкетным способом, может являться и нормативный акт меньшей юридической силы, если он конкретизирует предписания «неуголовного» нормативного акта большей юридической силы.

Установив конкретный нормативный акт иной отрасли права или перечень «неуголовных» нормативных актов, чьи предписания дополняют содержание уголовно-правовой нормы, следует приступить к ее толкованию. Толкование уголовно-правовой нормы, источниками которой являются нормативные акты иных отраслей права, является необходимым условием ее применения.

Однако прежде, чем приступить к изучению особенностей толкования таких полиисточниковых уголовно-правовых норм, необходимо определиться с понятием толкования норм уголовного права.

В общей теории права распространена позиция, согласно которой понятие толкования правовых норм имеет два смысловых значения – уяснение смысла, содержания нормы права (толкование для себя) и разъяснение смысла правовой нормы (толкование для других).

Так, например, согласно точке зрения А.Ф. Черданцева, толкование, с одной стороны, представляет собой «мыслительный процесс, направленный на установление содержания норм права путем выявления значений и смысла терминов и выражений, заключенных в нормативных актах», с другой стороны – «результат мыслительного процесса,

который фиксируется в совокупности языковых высказываний, отражающих содержание норм права». ¹³⁵

В то же время, весьма представительным в общей теории права является мнение о том, что толкование правовых норм ограничено лишь элементом уяснения. ¹³⁶

Не удивительно, что существующая в общеправовой теории дискуссия о содержании процесса толкования норм права была перенесена и в уголовно-правовую науку.

Отдельными специалистами в области уголовного права была воспринята точка зрения о двойном смысловом значении понятия толкования правовых норм.

В частности, Н.Н. Вопленко определяет толкование как интеллектуально-волевою деятельность по уяснению и объяснению смысла норм права. Вместе с тем, он специально оговаривает, что разъяснение не всегда обязательно следует за уяснением. ¹³⁷

Другие ученые считают, что толкование уголовно-правовых норм ограничено их уяснением.

Так, Я.М. Браинин понимал под толкованием «деятельность, направленную на выяснение содержания, смысла и цели закона». ¹³⁸

Аналогичной точки зрения придерживался Н.Д. Дурманов, который определял толкование как «уяснение и раскрытие воли законодателя, выраженной в данном тексте закона ... уяснение истинного смысла закона ...». ¹³⁹

¹³⁵ Черданцев А.Ф. Толкование советского права. – М., 1979. – С. 5-6.

¹³⁶ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. – М., 1962. – С. 8; Теория государства и права. – М., 1965. – С. 449-468.

¹³⁷ Вопленко Н.Н. Следственная деятельность и толкование права. – Волгоград, 1978. – С. 10-12.

¹³⁸ Браинин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М., 1967. – С. 212.

¹³⁹ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М., 1967. – С. 285.

М.Д. Шаргородский также писал, что под толкованием уголовного закона следует понимать ... выяснение его смысла, определение того содержания, которое вкладывал в него законодатель.¹⁴⁰

Представляется, что толкование уголовно-правовых зачастую не ограничивается уяснением их смысла (толкованием для себя), но и включает разъяснение уголовно-правовых норм (толкование для других). Для подтверждения сказанного достаточно вспомнить постановления Пленума Верховного Суда РФ, который, уяснив смысл уголовно-правовой нормы, дает ее официальное разъяснение для других субъектов. Вместе с тем, разъяснение уголовно-правовой нормы далеко не всегда следует за ее уяснением.

Поскольку изучение разъяснения уголовно-правовых норм не является задачей нашего исследования, в дальнейшем под толкованием мы будем понимать этап применения уголовно-правовых норм, заключающийся в уяснении их смысла.

Установление содержания уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иной отраслевой принадлежности, предполагает необходимость толкования не только уголовного закона, но и нормативных предписаний иных отраслей права. Это обстоятельство составляет важнейшую особенность толкования уголовно-правовых норм, сформулированных бланкетным способом.

Таким образом, при бланкетной конструкции уголовного закона, по образному выражению Н.И. Пикурова, про-

¹⁴⁰ Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – М., 1948. – С. 132.

исходит как бы «умножение» правовой информации, которая подлежит уяснению.¹⁴¹

Показательным в этом отношении является тот факт, что далеко не полная подборка постатейного нормативного материала к Уголовному кодексу РФ занимает том объемом 1280 страниц.¹⁴²

В процессе толкования нормативных актов иных отраслей права необходимо учитывать, что их предписания зачастую формулируются с учетом иных отраслевых принципов, методов правового регулирования. Тем не менее, следует особо подчеркнуть, что содержание нормативного материала иной отраслевой принадлежности уясняется в контексте нормативных предписаний уголовного закона.

Необходимость учета положений Уголовного кодекса РФ при толковании нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности можно продемонстрировать на примере уяснения термина «кредитор», который употребляется в ст. 176 УК РФ «Незаконное получение кредита» и в ст. 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве».

Отметим, что в уголовно-правовой литературе не достигнуто согласия по вопросу о том, что следует понимать под «иным кредитором» в составе незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ). В качестве такового одни

¹⁴¹ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – С. 94.

¹⁴² Уголовный кодекс Российской Федерации с постатейными материалами / Сост. С.В. Бородин, С.В. Замятина, И.Н. Иванова; Под. ред. В.М. Лебедева. – М., 2001.

авторы понимают исключительно кредитную организацию,¹⁴³ другие признают «иным кредитором» и физическое лицо.¹⁴⁴

Исходя из ст. 823 Гражданского кодекса РФ, термин «кредитор» обозначает сторону в обязательстве, которая имеет право от другой стороны (должника) требовать его исполнения. Следовательно, кредитором может являться как юридическое, так и физическое лицо.

Казалось бы, ст. 823 ГК РФ не оставляет сомнений в том, что «иным кредитором» в составе незаконного получения кредита может быть, в том числе, и физическое лицо. Однако в ст. 176 УК РФ термин «иной кредитор» употреблен в сочетании с термином «кредит». А кредит, как известно, является предметом кредитного договора, стороной которого может быть только «банк или иная кредитная организация (кредитор)» (ч. 2 ст. 819 ГК РФ).

Следовательно, применительно к ст. 176 УК РФ в качестве «иного кредитора» следует расценивать исключительно кредитную организацию, но не физическое лицо.

Иначе обстоит дело с пониманием термина «кредитор», применительно к ст. 195 УК РФ. Поскольку термин «кредитор» употребляется вне связи с кредитным договором, можно заключить, что в составе неправомерных действий при банкротстве кредитором следует признавать как юридическое, так и физическое лицо.

Еще раз подчеркнем, что содержание, смысл нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности уясняется в тесной взаимосвязи с содержанием предписаний

¹⁴³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / Под общ. ред. Скуратова Ю.А. и Лебедева В.М. – М., 1996. – С. 180.

¹⁴⁴ Гарифуллина Л. Ответственность за преступления в сфере финансово-кредитных отношений // Российская юстиция. – 1997. - № 2. – С. 35.

уголовного закона. И если в процессе толкования будет установлено, что содержание нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности противоречит уголовному закону, они не могут служить источниками уголовного права.

§ 2. Особенности действия во времени уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права

Часть 1 ст. 9 УК РФ устанавливает, что преступность и наказуемость деяния определяется уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния.

Однако применение бланкетного способа конструирования уголовного закона своим следствием имеет то обстоятельство, что признание или непризнание совершенного деяния преступлением в ряде случаев напрямую зависит от нормативных предписаний иной («неуголовной») отраслевой принадлежности. Причем эти изначально «неуголовные» нормативные предписания, большая часть которых относится к уровню подзаконного регулирования, зачастую весьма динамичны.

В этой связи возникает вопрос: если нормативный акт иной отрасли права, определяющий содержание какого-либо признака состава преступления, изменялся в течение действия неизменного уголовного закона, то какой из «неуголовных» нормативных актов следует применять? Нормативный акт, который действовал во время совершения деяния, или же тот, который действует на момент его уголовно-правовой оценки?

Решение этого вопроса приобретает особую значимость в случаях, когда деяние совершено в период действия нормативного акта иной отрасли права, в силу которого деяние не является преступным, а затем такой нормативный акт заменяется другим, в силу которого деяние необходимо расценивать как преступление.

Такая ситуация возникла в связи с изменениями, внесенными в ст. 7.27 КоАП РФ Федеральным законом № 133-ФЗ от 31 октября 2002 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».¹⁴⁵

В первоначальной редакции ст. 7.27 КоАП мелкое хищение определялось как хищение чужого имущества, совершенное путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты, причинившее ущерб на сумму не более пяти минимальных размеров оплаты труда. В соответствии с действующей редакцией ст. 7.27 КоАП РФ (вступила в силу с 31 октября 2002 г.), хищение чужого имущества признается мелким, если стоимость похищенного не превышает одного минимального размера оплаты труда и отсутствуют квалифицирующие признаки соответствующих преступлений, предусмотренные УК РФ.

Системная взаимосвязь норм административного и уголовного права имеет своим следствием тот факт, что сужение круга административно-наказуемых хищений повлекло соответствующее расширение сферы применения ст. 158-160 УК РФ.

Так какую же из административно-правовых норм – действующую до 31 октября 2002 г. или новую, действующую с 31 октября 2002 г., – следует применять при определении преступности хищения в размере до пяти минимальных размеров оплаты труда, совершенного, к примеру, в сентябре 2002 г.?

¹⁴⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. - № 44. – Ст. 4298.

Заметим, что вследствие изменения ст. 7.27 КоАП РФ, по существу, произошло ухудшение положения лиц, совершивших хищения имущества, стоимостью менее пяти минимальных размеров оплаты труда. В силу же ч. 1 ст. 10 УК РФ, уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, совершившего преступление, обратной силы не имеет.

Однако запрет на ретроактивное действие распространяется лишь на ухудшающий положение лица уголовный закон. В нашем же случае, ухудшение положения лица, совершившего хищение в размере до пяти МРОТ, происходит без изменения уголовного закона, а вследствие изменения КоАП РФ – нормативного акта иной отраслевой принадлежности.

Соответственно, предписания ч. 1 ст. 10 УК РФ о запрете ретроактивного действия уголовного закона, ухудшающего положение лица, совершившего преступление, неприменимы к тем случаям, когда расширение сферы действия уголовно-правового запрета происходит за счет изменения «неуголовных» нормативных актов.

В то же самое время, мы полностью разделяем точку зрения А.И. Бойцова, о том, что, «принцип необратимости закона в прошлое должен также распространяться на акты, не относящиеся к области уголовного законодательства, но образующие бланкетное содержание уголовно-правовых норм».¹⁴⁶

¹⁴⁶ На этом основании автор приходит к совершенно справедливому выводу о том, что сокрытие имущества, внесенного в перечень налогооблагаемых объектов после того, как было совершено соответствующее деяние, не образует состава преступ-

Представляется, что юридическим основанием для такого решения рассматриваемого вопроса является не ч. 1 ст. 10 УК РФ, а конституционное предписание, согласно которому никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением (ч. 2 ст. 54 Конституции РФ).

Исходя из этого конституционного положения, можно сделать вывод о том, что в соответствующих случаях, при квалификации преступления следует исходить из нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, действующих на момент совершения деяния. В противном случае неизбежно нарушение Конституции РФ и принципов уголовного права.

Это положение нашло поддержку у 82 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов.

Исходя из того, что содержание уголовно-правовых норм в значительной мере определяется нормативными актами иных отраслей права, необходимо определить момент вступления в силу и прекращения действия таких «неуголовных» нормативных актов.

Установление временных границ действия нормативных актов иной отраслевой принадлежности является необходимой предпосылкой их применения в качестве источника уголовного права. Только вступивший в силу и не утративший ее на момент совершения соответствующего деяния нормативный акт иной отрасли права может использоваться в качестве источника уголовного права.

Как отмечалось, к нормативным актам иных отраслей права, являющимся источниками права уголовного, отно-

ления (Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. –

сятся как федеральные законы, так и подзаконные нормативные акты. Соответственно, имеются существенные различия в порядке вступления их в силу и прекращения их действия.

Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции РФ, любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

В соответствии с Федеральным законом № 5-ФЗ от 25 мая 1994 г. (в редакции Федерального закона № 185-ФЗ от 23 апреля 1999 г.) «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»,¹⁴⁷ федеральные законы вступают в силу одновременно на всей территории Российской Федерации по истечении десяти дней после дня их официального опубликования, если самими законами не установлен другой порядок вступления их в силу (ст. 6).

Статья 4 названного закона определяет, что официальным опубликованием федерального закона считается первая публикация его полного текста в «Парламентской газете», «Российской газете» или «Собрании законодательства Российской Федерации».¹⁴⁸

По общему правилу, федеральный закон прекращает свое действие в случае его отмены или замены новым законом.

СПб., 1995. – С. 64).

¹⁴⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. - № 8. – Ст. 801; Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. - № 43. – Ст. 5124.

Кроме того, основанием утраты федеральным законом юридической силы может являться принятие решения Конституционного Суда РФ о признании закона противоречащим Конституции России.

Согласно ст. 125 Конституции РФ, Конституционный Суд РФ разрешает дела о соответствии Конституции РФ федеральных законов; федеральный закон или его отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу.

Последствия признания федерального закона, являющегося источником уголовного права, неконституционным не ограничиваются утратой таким законом юридической силы.

Дело в том, что ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» определяет, что решения судов и иных органов, основанные на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях.¹⁴⁹

Из этого следует, что признанный противоречащим Конституции РФ федеральный закон необходимо рассматривать как изначально нелегитимный, а значит, недействительными следует признавать основанные на нем правоприменительные решения, в том числе, и акты уголовного правоприменения.

Подзаконные нормативные акты иных отраслей права, являющиеся источниками уголовного права, имеют различ-

¹⁴⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. - № 8. – Ст. 801; Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. - № 43. – Ст. 5124.

¹⁴⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. - № 13. – Ст. 1447.

ный порядок вступления в силу, зависящий от субъекта их принятия.

Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти», нормативные акты Президента РФ и Правительства РФ подлежат официальному опубликованию, кроме актов или отдельных их положений, которые содержат сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера (ст. 1).

При этом официальным опубликованием нормативных актов президента РФ и Правительства РФ считается публикация их текстов в «Российской газете» или в Собрании законодательства Российской Федерации.

Нормативные акты Президента РФ вступают в силу одновременно на всей территории Российской Федерации по истечении семи дней после дня их первого опубликования. Нормативные акты Президента РФ, содержащие сведения, составляющие государственную тайну или сведения конфиденциального характера, вступают в силу со дня их подписания (ст. 5).

Нормативные акты Правительства РФ, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус федеральных органов исполнительной власти, а также организаций, вступают в силу одновременно на всей территории Российской Федерации по истечении семи дней после дня их первого опубликования. Иные нормативные акты Правительства РФ, в том

числе акты, содержащие сведения, составляющие государственную тайну или сведения конфиденциального характера, вступают в силу со дня их подписания (ст. 6).

При этом следует иметь в виду, что в нормативных актах Президента РФ и Правительства РФ может быть установлен иной порядок вступления их в силу (ст. 7).

Обязательному официальному опубликованию подлежат нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, кроме актов или отдельных их положений, которые содержат сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера. Однако обязательным условием официального опубликования таких нормативных актов является их регистрация в Министерстве юстиции РФ (ст. 8).

Официальным опубликованием нормативных актов федеральных органов исполнительной власти считается публикация их текстов в «Российской газете», а также в Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти.

Невыполнение требований о государственной регистрации и официальном опубликовании нормативных актов федеральных органов исполнительной власти весьма серьезны – такие акты не влекут правовых последствий, как не вступившие в силу, и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организа-

циям за невыполнение содержащихся в них предписаний (ст. 10).

Нормативные акты федеральных органов исполнительной власти вступают в силу одновременно на всей территории Российской Федерации по истечении десяти дней после дня их первого опубликования, если самими актами не установлен другой порядок вступления их в силу (ст. 12).

Как правило, подзаконный нормативный акт иной отраслевой принадлежности, являющийся источником уголовного права, прекращает свое действие вследствие его отмены или замены другим нормативным актом.

Так, постановление Правительства РФ № 601 от 17 мая 1997 г. «О маркировании товаров и продукции на территории Российской Федерации знаками соответствия, защищенными от подделок», являющееся источником уголовно-правовой нормы об ответственности за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт немаркированных товаров и продукции (ст. 171-1 УК РФ), отменено постановлением Правительства РФ № 82 от 6 февраля 2002 г.¹⁵⁰

Самостоятельным основанием утраты подзаконным нормативным актом юридической силы является признание его недействительным (неконституционным или противоречащим федеральному закону).

Согласно ст. 125 Конституции России, Конституционный Суд РФ оценивает на предмет соответствия Конституции не только федеральные законы, но и нормативные акты

¹⁵⁰ Постановление Правительства РФ № 82 от 6 февраля 2002 г. «Об отмене постановлений правительства российской Федерации по вопросам маркирования товаров и продукции знаками соответствия, защищенными от подделок» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. - № 6. – Ст. 585.

Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ. И если соответствующий нормативный акт будет признан неконституционным, он автоматически утрачивает юридическую силу.

Как отмечалось, согласно ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» последствием признания нормативного акта неконституционным является не только утрата им юридической силы, но и недействительность правоприменительных решений, основанных на акте, признанном неконституционным. Такие решения «не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях».

Предоставляя Конституционному Суду РФ право оценивать конституционность нормативных актов, ст. 125 Конституции России относит к его компетенции нормативные акты уровнем не ниже актов Правительства РФ. Что же касается нормативных актов низшей юридической силы, признание их недействительными – прерогатива судов общей юрисдикции.

Статья 13 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что нормативный акт государственного органа или органа местного самоуправления, не соответствующий закону или иным правовым актам и нарушающий гражданские права и охраняемые законом интересы гражданина или юридического лица, может быть признан судом недействительным.

И если подзаконный нормативный акт федерального уровня, являющийся источником уголовного права, будет в

судебном порядке признан недействительным, то это означает утрату им юридической силы.

В то же время, было бы ошибочным расценивать признание такого подзаконного акта недействительным как его отмену. В юридической литературе справедливо отмечается, что «до вступления решения суда (о признании нормативного акта недействительным – автор) в законную силу нормативный акт юридически считается действующим. Но как только решение вступило в законную силу, нормативный акт становится недействительным, т.е. не порождающим правовых последствий с момента его издания».¹⁵¹

Эта позиция нашла отражение и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 27 апреля 1993 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлению прокуроров о признании правовых актов, противоречащих закону». В названном постановлении Пленум Верховного Суда РФ специально подчеркнул: «Признание нормативного акта недействительным по мотивам противоречия закону означает, что он не порождает правовых последствий со дня издания».¹⁵²

В этой связи представляется, что решение суда общей юрисдикции о недействительности подзаконного нормативного акта, являющегося источником уголовного права, своим последствием должно иметь признание нелигитимными и правоприменительных решений, которые основаны на таком акте.

¹⁵¹ Жилин Г. Признание нормативных актов недействительными // Российская юстиция. – 1998. - № 7. – С. 42.

¹⁵² Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. – М., 1995. – С. 333.

Рассмотрев временные границы действия нормативных актов иных отраслей права, используемых в качестве источника права уголовного, следует затронуть вопрос о времени совершения преступления.

Как справедливо отмечает Н.И. Пикуров, правильное установление границ действия во времени уголовного закона и связанных с ним нормативных актов должно сочетаться с точным определением времени совершения деяния. Установление этих моментов имеет смысл только в связи друг с другом. Если правильно установлен период действия закона, но неверно определено время совершения правонарушения, то квалификация может оказаться ошибочной (и соответственно наоборот).¹⁵³

В течение длительного периода вопрос о времени совершения преступления относился в науке уголовного права к числу дискуссионных.

Столкновение точек зрения по вопросу о времени совершения преступления имело место, главным образом, применительно к преступлениям с материальным составом. Это вполне объяснимо, ведь в преступлениях с формальным составом обязательный признак объективной стороны – преступное деяние – является единственным, и, соответственно, нет предмета для дискуссии о времени совершения преступления. Очевидно, что временем совершения преступления, объективная сторона которого имеет формальную конструкцию, следует считать время совершения преступного деяния.

¹⁵³ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – С. 117.

В преступлениях с материальным составом обязательным признаком объективной стороны, помимо деяния, являются общественно опасные последствия, что и порождает спор о времени совершения преступления.

Согласно одной точке зрения, временем совершения преступления следует считать время совершения преступного деяния.¹⁵⁴

Другая научная позиция сводится к тому, что временем совершения преступления является время наступления преступных последствий.¹⁵⁵

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. прекратил споры о времени совершения преступления, определив, что временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (ч. 2 ст. 9 УК РФ).

Подобная позиция законодателя представляется верной, поскольку она основывается на принципе субъективного вменения. Ведь субъективная оценка содеянного, и, в первую очередь, его общественной опасности и противоправности, может быть связана только с законом, действовавшим во время совершения преступного действия (бездействия). Соответственно, исходя из принципа субъективного вменения, временем совершения преступления не-

¹⁵⁴ Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. – СПб., 1995. – С. 67; Попов А.Н. Уголовный закон и его обратная сила. – СПб., 1998. – С. 20; Якубов А.Е. Обратная сила уголовного закона: некоторые проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации. – СПб., 2003. – С. 38.

¹⁵⁵ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. – СПб., 1902. – С. 277; Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М., 1967. – С. 162, 261; Миллюков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. – СПб., 2000. – С. 48; Уголовное право. Общая часть / Под ред. А.И. Игнатова и Ю.А. Красикова. – М., 1996. – С. 25-26.

обходимо признавать время совершения преступного деяния, что и нашло отражение в ч. 2 ст. 9 УК РФ.

Обобщая результаты проведенного анализа, отметим, что, по общему правилу, применение уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права, предполагает использование нормативных актов, действовавших на момент совершения преступления. При этом временем совершения преступления следует считать время совершения преступного деяния независимо от времени наступления преступных последствий. Исключения из этого правила связаны с обратной силой уголовно-правовых норм, о чем пойдет речь далее.

Важнейшим аргументом в пользу признания нормативных актов иных отраслей права источниками уголовного права является то обстоятельство, что изменение таких «неуголовных» нормативных актов способно привести к изменению содержания уголовно-правовой нормы. Как неоднократно отмечалось в настоящей работе, «расширение» или «сужение» круга уголовно-наказуемых деяний зачастую происходит без трансформации самого уголовного закона, а вследствие изменения нормативных актов иной отраслевой принадлежности, на которые ссылается уголовный закон.

Констатация этого факта предопределяет постановку вопроса о том, в какой мере изменение «неуголовных» нормативных актов – источников уголовного права – влияет на развитие уголовно-правовых отношений, возникших до их изменения. Иными словами, речь идет о возможности или невозможности применения обратной силы по отношению

к уголовно-правовым нормам, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права.

Как известно, обратная сила закона – это распространение действия закона на случаи, имевшие место до вступления его в силу.¹⁵⁶ По признанию специалистов, вопросы обратной силы закона в уголовном праве имеют наибольшую остроту и такие специфические особенности, которых нет в других отраслях права. Применение закона с обратной силой, когда это относится к правам граждан, происходит весьма болезненно, особенности в области уголовного права. Вот почему обратная сила закона в течение многих лет привлекает внимание ученых-юристов, вот почему обратное действие закона превратилось в центральную проблему действия закона во времени.¹⁵⁷

Проблема ретроактивного действия уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права, рассматривалась, главным образом, в рамках анализа отдельных видов преступлений.

Изучение специальной литературы по данной проблематике позволяет выделить три научных подхода к решению вопроса об обратной силе уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права.

Первый из них сводится к тому, что улучшение положения лиц, совершивших преступление, произошедшее вследствие изменения нормативных актов иной отраслевой принадлежности, не может иметь обратной силы.

¹⁵⁶ Энциклопедический юридический словарь / Под общ. ред. В.Е. Крутских. – М., 1998. – С. 203.

Так, анализируя юридические признаки преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, И.В. Шишко и Г.Н. Хлупина приходят к выводу о том, что «отмена налога, от уплаты которого лицо уклонялось, не влечет изменения уголовно-правовой оценки уклонения».¹⁵⁸ Эту научную позицию разделяют и некоторые другие исследователи налоговых преступлений (Д. Магомедов, В. Ковалев, А.В. Хабаров).¹⁵⁹

Таким образом, названные специалисты отрицают возможность ретроактивного действия уголовно-правовых норм, источником которых являются нормативные акты иных отраслей права, в случаях, когда фактическая декриминализация содеянного или иное улучшение положения лица, совершившего преступление, происходит вследствие изменения таких «неуголовных» нормативных актов. При этом И.В. Шишко считает, что в отдельных случаях изменение нормативных актов иных отраслей права может привести к утрате общественной опасности совершенного деяния и тогда следует применять ч. 2 ст. 14 УК РФ.¹⁶⁰

В. Сверчков также считает невозможным применение положений об обратной силе закона к случаям, когда сфера действия уголовно-правового запрета сужается вслед-

¹⁵⁷ Гулиев В.Е., Кравцов Г.А. Действие закона во времени и пространстве: Рецензия на: Тилле А.А. Время, пространство, закон. – М., 1969. // Советское государство и право. – 1969. - № 7. – С. 156.

¹⁵⁸ Шишко И.В., Хлупина Г.Н. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации // Юридический мир. – 1999. - № 8. – С. 11.

¹⁵⁹ См.: Магомедов Д., Ковалев В. Особенности квалификации налоговых преступлений // Законность. – 2003. - № 2. – С. 37; Хабаров А.В. Действие Конституции Российской Федерации в сфере уголовно-правовых отношений // Правовая политика и правовая жизнь. – 2002. – № 4. - С. 169.

¹⁶⁰ Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. – СПб, 2004. – С. 94-96.

ствие изменения нормативных актов иных отраслей права. Анализируя изменения, внесенные в ст. 7.27. КоАП РФ Федеральным законом от 31 октября 2002 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»,¹⁶¹ В. Сверчков приходит к выводу, что внесенные изменения привели к устранению преступности хищений в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты в размере от 1 МРОТ до 5 МРОТ. Однако при этом автор полагает, что, поскольку указанный закон не является законом уголовным, о котором идет речь в ч. 1 ст. 10 УК РФ, «принятие данного закона свидетельствует, скорее всего, об изменившейся обстановке – об утрате деянием общественной опасности».¹⁶²

Представители второго подхода, напротив, признают применение положений об обратной силе закона необходимым в случаях, когда сужение сферы действия уголовно-правового запрета или иное положение лица, совершившего преступление, происходит вследствие изменения нормативных актов иных отраслей права.

Так, А.И. Бойцов считает, что исключение объекта, за сокрытие которого лицо было привлечено к уголовной ответственности, из перечня налогооблагаемых, должно влечь прекращение уголовного дела.¹⁶³

Б.В. Волженкин также полагает, что изменение налогового законодательства, в частности, отмена какого-

¹⁶¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. - № 44. – Ст. 4298.

¹⁶² Сверчков В. Влияние иных отраслей права на применение норм уголовного законодательства // Законность. – 2004. - № 6. – С. 36.

либо налога, приводит к сужению круга преступного поведения. По мнению автора, в этом случае деяние частично декриминализируется и тогда применяются уже положения уголовного закона об обратной силе.¹⁶⁴

Применительно к такому признаку незаконного предпринимательства, как осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), в случае, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, Б.В. Волженкин высказывает аналогичную точку зрения. Он отмечает, что Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности», вступивший в силу 11 февраля 2002 г., значительно сократил перечень видов деятельности, на осуществление которых требуется лицензия.

Таким образом, - пишет Б.В. Волженкин, - существенно сужается сфера применения ст. 171 УК РФ. Уголовные дела, возбужденные по ст. 171 УК РФ, где речь идет об осуществлении предпринимательской деятельности без лицензии по тем видам деятельности, которые не включены в перечень, предусмотренный названным законом, после вступления его в силу подлежат прекращению.¹⁶⁵

Показательными являются публикации сторонников второго подхода (признания обратной силы уголовно-правовых норм, источниками которых являются «неуголовные» нормативные акты), появившиеся в связи с изменением норм административного законодательства об ответственности за мелкое хищение.

¹⁶³ Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. – СПб., 1995. – С. 64.

¹⁶⁴ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). – СПб., 2002. – С. 485.

¹⁶⁵ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). – СПб., 2002. – С. 170.

Действовавшая до 1 июля 2002 г. ст. 49 КоАП РСФСР определяла в качестве административного правонарушения мелкое хищение чужого имущества в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты. При этом хищение признавалось мелким, если стоимость похищенного имущества не превышала один минимальный размер оплаты труда.

Статья 7. 27 КоАП РФ 2001 г. (в первоначальной редакции), вступившая в силу с 1 июля 2002 г., устанавливала, что хищение чужого имущества путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты признается мелким, влекущим административную ответственность, если стоимость похищенного имущества не превышает пяти минимальных размеров оплаты труда, установленных законодательством РФ.

Большинство специалистов расценили подобное изменение административного законодательства как декриминализацию хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты, причинивших ущерб на сумму до пяти минимальных размеров оплаты труда.¹⁶⁶

Отмечая значительное повышение «планки» мелкого хищения и происшедшее изменение содержания уголовно-правовых норм об ответственности за кражу, мошенничество, присвоение и растрату, А.В. Наумов ставит вопрос, связанный с реализацией принципа обратной силы уголовного закона (в прежнем и новом его содержании).

Если повышается минимальный размер хищения, влекущего уголовную ответственность, – пишет А.В. Наумов, –

¹⁶⁶ Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. – 2002. - № 7. – С. 39; Волженкин Б. Мелкое хищение чужого имущества // Уголовное право. 2002. - № 4. – С. 8; Бриллиантов А.В., Бурковская В.А.

то, следовательно, произошла декриминализация хищения чужого имущества, совершенного путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты, на сумму меньшую пяти минимальных размеров оплаты труда. Это означает, что в соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ новое содержание уголовного закона приобретает обратную силу.¹⁶⁷

Сходную позицию занимает Б.В. Волженкин, который считает, что повышение верхней границы мелкого хищения с одного до пяти МРОТ и соответствующее повышение нижней границы уголовно-наказуемых ненасильственных хищений чужого имущества, безусловно, имеет обратную силу. Следовательно, - отмечает Б.В. Волженкин, - должны быть прекращены все находящиеся в производстве уголовные дела по ч. 1-3 ст. 158, ч. 1-3 ст. 159, ч. 1-3 ст. 160 УК РФ, если стоимость похищенного не превышала пяти минимальных размеров оплаты труда; лица, отбывающие наказание за такие преступления, - освобождены из мест лишения свободы, а уже отбывшие наказание - не должны считаться судимыми.¹⁶⁸

Разделяя это мнение, А.В. Бриллиантов и А.В. Бурковская ссылаются на письмо Верховного Суда РФ от 5 июля 2002 г. в адрес Председателей Верховных Судов республик, краевых, областных, Московского и Санкт-Петербургского городских судов, суда автономной области и судов автономных округов. В этом письме содержалось указание о необходимости прекращения в соответствии с

Понятие мелкого хищения и общие вопросы уголовного законодательства // Российский следователь. - 2003. - № 5. - С. 21-22.

¹⁶⁷ Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. - 2002. - № 7. - С. 39.

¹⁶⁸ Волженкин Б. Мелкое хищение чужого имущества // Уголовное право. 2002. - № 4. - С. 8.

п. 2 ч. 2 ст. 24 УПК РФ уголовных дел, находящихся в производстве, а также в отношении осужденных за хищение чужого имущества при сумме ущерба менее пяти МРОТ.¹⁶⁹

Третий подход к решению вопроса об обратной силе уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права, представлен в работах Н.И. Пикурова. Рассматривая особенности действия во времени уголовного закона, имеющего бланкетную диспозицию (с конкретизацией запрета в административном праве), Н.И. Пикуров предлагает дифференцированный подход к решению вопроса об обратной силе такого закона. Возможность ретроактивного действия уголовно-правовых норм о преступлениях «со смешанной противоправностью» зависит, по его мнению, от содержания административно-правовых актов, к которым отсылает уголовный закон.

Административно-правовые акты, конкретизирующие бланкетную диспозицию уголовного закона, подразделяются Н.И. Пикуровым на две группы:

1. Административно-правовые акты, которые включают требования технического порядка, так называемые «социально-технические нормы»: правила безопасности дорожного движения, правила, призванные предотвратить вред объектам природы от действий человека (правила охоты, рыболовства) и т.п.

2. Административно-правовые акты, связанные с закономерностями чисто социального характера: правила административного надзора, паспортные правила и т.п.

В отличие от социальных, технические требования, основанные на закономерностях физического мира, по мне-

¹⁶⁹ Бриллиантов А.В., Бурковская В.А. Понятие мелкого хищения и общие вопро-

нию Н.И. Пикурова, не имеют обратимого характера; им нельзя придать обратную силу. Соответственно, не имеют обратной силы и нормы уголовного закона, отсылающего к нормативным актам технического характера.

Так, например, – пишет Н.И. Пикуров, – п. 88 Правил дорожного движения, действовавших до 1 июня 1980 г., предусматривал преимущественное право проезда трамвая при повороте идущей в попутном направлении автомашины. В правилах, вступивших в силу с 1 июня 1980 г., согласно п. 11.6, регламентирующего подобный маневр, наоборот, преимущество имеет водитель автомашины. Вполне естественно, что это правило не может применяться к водителю, совершившему автодорожное преступление в результате нарушения п. 88 Правил до 1 июня 1980 г., хотя новые правила признают подобные действия правомерными.

В то же время, нормы уголовного закона, отсылающего к административно-правовым актам социального характера, по мнению Н.И. Пикурова имеют обратную силу в случае, если изменение соответствующих нормативных актов улучшает положение лица.¹⁷⁰

Вышеприведенный обзор доктринальных точек зрения по вопросу о возможности или невозможности ретроактивного действия уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права, демонстрирует несовпадение, а порой, и принципиальное противоречие позиций различных ученых.

сы уголовного законодательства // Российский следователь. – 2003. - № 5. – С. 22.

¹⁷⁰ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – С. 111-113.

На наш взгляд, при решении обозначенного вопроса следует исходить из того, что изменение нормативного акта иной отраслевой принадлежности, в ряде случаев, по правовым последствиям сопоставимо с изменением уголовного закона. Как справедливо отмечает А.В. Наумов, «отмена тех или иных правил (установленных нормативными актами иных отраслей права. – Автор) фактически будет означать частичную декриминализацию соответствующего уголовно-правового запрета, а формулирование новых правил – криминализацию, хотя в самом уголовном законе уголовно-правовая норма останется неизменной».¹⁷¹

В этой связи напрашивается вывод о том, что если изменение нормативных актов иных отраслей права приводит к улучшению положения лица, совершившего преступление, такое улучшение должно иметь обратную силу.

Еще Н.А. Неклюдов отмечал, что «исправление погрешности закона есть признание его несправедливости, которая за сим, очевидно, практикуема быть не может».¹⁷² И если вследствие «исправления» нормативного акта, являющегося источником уголовного права, происходит частичная декриминализация содеянного, дальнейшее применение мер уголовно-правового воздействия было бы явно несправедливым.

Думается, что это принципиальное положение в равной степени может быть применено к любым правовым актам, вне зависимости от их «социального» или «технического» характера. Если вследствие изменения или отмены нормативного акта иной отрасли права, являющегося ис-

¹⁷¹ Наумов А.В. Проблемы декриминализации: причины и способы // Советская юстиция. – 1990. - № 19. – С. 21.

¹⁷² Неклюдов Н. Общая часть уголовного права. – СПб., 1875. – С. 173.

точниками уголовно-правовой нормы, происходит улучшение положения лица, совершившего преступление, то подобное улучшение должно иметь обратную силу вне зависимости от характера «неуголовного» акта.

Таким образом, следует поддержать позицию тех специалистов, которые полагают, что изменение нормативных актов иной отраслевой принадлежности, которое приводит к улучшению положения виновного лица, должно распространяться на отношения, возникшие до изменения этого акта.

Приведем пример. Отмена постановления Правительства РФ № 601 от 17 мая 1997 г. «О маркировании товаров и продукции на территории Российской Федерации знаками соответствия, защищенными от подделок» постановлением Правительства РФ № 82 от 6 февраля 2002 г., по сути дела, повлекло частичную декриминализацию деяния, предусмотренного ст. 171-1 УК РФ. Это означает, что происшедшая декриминализация должна быть распространена на лиц, совершивших деяния в виде производства, приобретения, хранения, перевозки товаров и продукции, подлежащих обязательной маркировке знаками соответствия, защищенными от подделок. Причем улучшение положения лиц, совершивших указанные деяния, должно, на наш взгляд, распространяться и на тех, кто отбывает наказание или уже отбыл наказание, но имеет судимость.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что **изменение нормативных актов иных отраслей права зачастую приводит к фактической декриминализации деяния или иному улучшению положения лица, совершившего преступление, а,**

следовательно, такое улучшение должно иметь обратную силу.

Это правило применимо к любым вариантам «имплементации» нормативного материала иной отраслевой принадлежности в уголовно-правовую норму (бланкетная диспозиция, бланкетные признаки, «скрытая» бланкетность). Однако наиболее явно влияние изменений «неуголовных» нормативных актов на развитие уголовно-правовых отношений прослеживается при бланкетной конструкции диспозиций статей Особенной части УК, когда признаком преступления является нарушение специальных правил.

В этой связи в уголовно-правовой литературе сформулированы рекомендации по решению проблем действия во времени в случае изменения нормативных актов, на которые ссылаются бланкетные диспозиции.

Как отмечают Ю.Е. Пудовочкин и С.С. Пирвагидов, в УК РФ бланкетные диспозиции проявляются в нескольких разновидностях:

- нарушение специальных правил без последствий (ст. ст. 191, 253, 271 УК РФ);
- нарушение специальных правил, которое могло повлечь наступление общественно опасных последствий (например, ч. 1 ст. 215 УК РФ);
- нарушение специальных правил, которое повлекло наступление общественно опасных последствий. При этом такие последствия могут составлять самостоятельное преступление (например, ч. 1 ст. 143 УК РФ), а в ряде случаев, преступлением не являются (например, ч. 1 ст. 251 УК РФ).

Авторы приходят к верному выводу о том, что в случае, когда сам факт нарушения правил рассматривается как преступление, либо когда наступившие в результате нарушения последствия не образуют преступление, изменения содержания правил может повлечь полную декриминализацию совершенного лицом деяния. Следовательно, это лицо не должно подлежать ответственности либо должно быть освобождено от ответственности и (или) наказания.

Однако если же последствия нарушения специальных правил образуют самостоятельное преступление, то, как отмечают авторы, обратная сила уголовного закона может и не применяться, если переквалификация деяния ухудшит положение лица, совершившего преступление.¹⁷³

С предложенными рекомендациями следует согласиться, так как они, по существу, исходят из признания того факта, что изменение нормативных актов иных отраслей права по правовым последствиям сопоставимо с изменением уголовного закона. В этой связи, в основу названных рекомендаций заложены принципиальные положения, сформулированные в ст. 10 УК РФ.

Итак, изменение нормативных актов иных отраслей права непосредственным образом влияет на развитие уголовно-правовых отношений, возникших до их изменения. Если вследствие изменения нормативного акта иной отрасли права происходит улучшение положения лица, совершившего преступление, такое улучшение должно иметь обратную силу.

¹⁷³ Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых государств. – СПб., 2003. – С. 177-178.

Однако при этом не совсем понятно, что именно имеет обратную силу – изменившийся «неуголовный» нормативный акт, уголовный закон или же уголовно-правовая норма в целом?

Б.В. Волженкин занимает позицию, согласно которой изменение отраслевого законодательства способно привести к сужению круга преступного поведения «и тогда применяются уже положения уголовного закона об обратной силе».¹⁷⁴

Мнение о том, что в соответствующих случаях при изменении «неуголовных» нормативных актов обратную силу имеют «нормы уголовного закона» разделяет Н.И. Пикуров.¹⁷⁵

Несколько иной точки зрения придерживается А.В. Наумов, который считает, что в случае, когда «неуголовный» нормативный акт приводит к частичной или полной декриминализации деяния, обратную силу в соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ приобретает «новое содержание уголовного закона».¹⁷⁶

Еще более осторожно по анализируемой проблеме высказываются Ю.Е. Пудовочкин и С.С. Пирвагидов, считающие, что изменение нормативных актов иных отраслей права, улучшающее положение лица, совершившего преступление, «должно влечь за собой изменение в развитие уго-

¹⁷⁴ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). – СПб., 2002. – С. 485.

¹⁷⁵ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – С. 111-113.

¹⁷⁶ Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. – 2002. - № 7. – С. 39.

ловно-правового отношения в соответствии с требованиями ст. 10 УК РФ».¹⁷⁷

Тот факт, что изменение нормативных актов иных отраслей права способно привести к частичной декриминализации деяния или иному улучшению положения лица, сомнений не вызывает. Однако такое улучшение положения лица, совершившего преступление, осуществляется без изменения самого уголовного закона, а, следовательно, непосредственное применение положений ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона, на наш взгляд, невозможно.

Другое дело, что за основу решения вопроса должны быть взяты принципы, сформулированные в ст. 10 УК РФ применительно к обратной силе уголовного закона.

Как уже неоднократно подчеркивалось, при бланкетной форме конструирования уголовного закона, уголовно-правовая норма образуется путем соединения собственно уголовно-правовых предписаний с изначально «неуголовным» нормативным материалом.

Исходя из этого, в случае изменения «неуголовного» нормативного акта, являющегося источниками уголовно-правовой нормы, сформулированной бланкетным способом, изменяется сама уголовно-правовая норма. И если вследствие изменения уголовно-правовой нормы, произошедшего без изменения уголовного закона, улучшается положение лица, совершившего преступление, *обратную силу должна иметь изменившаяся норма*, но не уголовный закон или нормативный акт иной отрасли права, являющийся источником уголовного права.

¹⁷⁷ Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых государств. – СПб., 2003. – С. 177.

Еще раз подчеркнем, что при изменении нормативных актов иных отраслей права улучшение положения лица, совершившего преступление, осуществляется без изменения самого уголовного закона. Это означает невозможность непосредственного применения положений ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона к случаям, когда сфера действия уголовно-правового запрета сужается за счет изменения «неуголовных» нормативных актов.

Представляется, что в этом случае прямое действие должно иметь конституционное предписание о том, что если после совершения правонарушения ответственность устранена или смягчена, применяется новый закон (ч. 2 ст. 54 Конституции РФ).

С этим предложением согласились 68 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов.

§ 3. Особенности квалификации преступлений по уголовно-правовым нормам, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права

Важнейшим этапом применения уголовно-правовой нормы является квалификация преступления.

А.И. Бойко, характеризуя место квалификации преступления в процессе применения уголовно-правовой нормы, отмечает, что «она представляет срединный этап применения уголовного закона, венчает предварительный труд юристов по установлению события преступления, соединяет жизнь и сухие формулы закона».¹⁷⁸

Считается, что термин «квалификация» происходит от латинских слов «quails» (качество) и «facere» (делать).¹⁷⁹ Следовательно, в самом общем виде смысл термина «квалификация» можно свести к установлению какой-либо качественной характеристики определенного объекта.

В уголовном праве таким объектом является преступление. Соответственно, под квалификацией преступления следует понимать установление юридической характеристики совершенного лицом деяния, т.е. оценку деяния с точки зрения уголовного закона.

Практически общепризнанным в уголовно-правовой науке является определение квалификации преступлений, сформулированное В.Н. Кудрявцевым. Квалификация преступлений, по мнению В.Н. Кудрявцева, представляет собой установление и юридическое закрепление точного соответ-

¹⁷⁸ Судопроизводство у мирового судьи по уголовным делам / Под ред. В.Н. Ткачева и Ю.А. Ляхова. – Ростов-н/Д., 2002. – С. 205.

¹⁷⁹ Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб., 2002. – С. 14.

ствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.¹⁸⁰

Таким образом, при квалификации преступлений, по существу, происходит сопоставление двух объектов – признаков совершенного деяния и признаков состава преступления.

Однако при этом не совсем верно считать, что результатом сопоставления названных двух групп признаков является их «соответствие». Употребляемое понятие не отражает той степени совпадения признаков совершенного деяния и признаков состава преступления, которая имеет место при квалификации.

Предпочтительнее, на наш взгляд, является позиция тех ученых, которые видят сущность квалификации преступлений в констатации «тождества» квалифицируемого общественно-опасного деяния и признаков состава преступления.¹⁸¹

Как известно, юридической основой квалификации является состав преступления, признаки которого определены уголовным законом. Однако в том случае, когда для конструирования уголовного закона применяется бланкетная форма, реальное содержание бланкетных признаков состава преступления включает также нормативные предписания иной отраслевой принадлежности.

Еще раз подчеркнем, что признание изначально «неуголовных» нормативных актов источниками уголовно-

¹⁸⁰ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001. – С. 5.

¹⁸¹ Наумов А.В., Новиченко А.С. Законы логики при квалификации преступлений. – М., 1978. – С. 30; Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб., 2002. – С. 16-17.

правовых норм, вовсе не означает нарушение «монополии» уголовного закона на установление признаков состава преступления (ст. 8 УК РФ). Только Уголовный кодекс предусматривает все без исключения признаки состава преступления.

Другое дело, что при бланкетном способе конструирования уголовного закона «конкретное их содержание зависит от другой, в большинстве случаев подзаконной нормы, относящейся к иной отрасли права».¹⁸²

В этой связи представляется ошибочным мнение Л.Д. Гаухмана, который определяет квалификацию как «установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовным законом, а также другими законами и (или) иными нормативными актами, ссылки на которые содержатся в бланкетных диспозициях статей Особенной части УК РФ».¹⁸³

Нормативные акты иных отраслей права не устанавливают признаков состава преступления – это исключительная прерогатива уголовного закона; однако такие нормативные акты непосредственным образом влияют на содержание признаков состава преступления. В этом проявляется противоречие бланкетных признаков: с одной стороны, они формулируются в уголовном законе, с другой – содержательно наполняются нормативным материалом иной отраслевой принадлежности.

¹⁸² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001. – С. 111.

¹⁸³ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М., 2003. – С. 18.

Исходя из того, что при бланкетной конструкции уголовного закона содержание признаков состава преступления дополняется «неуголовными» нормативными положениями, квалификация преступлений предполагает **совместное применение уголовного закона и нормативных актов иной отраслевой принадлежности.**

Только в этом случае возможно установить полное содержание уголовно-правовой нормы, признаков состава преступления определенного вида, и на этом основании квалифицировать совершенное общественно-опасное деяние.

Характерными в этом отношении являются так называемые преступления «со смешанной противоправностью», предусмотренные бланкетными диспозициями уголовного закона.

Как отмечает Н.И. Пикуров, при наличии бланкетной диспозиции уголовно-правовая норма формулируется с помощью ссылки на нарушение виновным нормативных предписаний иных отраслей права, в связи с чем для уголовно-правовой квалификации необходимо установление и признаков неуголовного правонарушения.¹⁸⁴

Соответственно, при квалификации преступления «со смешанной противоправностью», содеянное оценивается не только с точки зрения предписаний уголовного закона, но и с позиций нормативных предписаний иных отраслей права (например, административно-правовых норм). В таких случаях, использование для квалификации преступления положений уголовного закона возможно лишь на основе предва-

¹⁸⁴ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – С. 12,37.

рительного применения изначально «неуголовных» правовых норм.

Так, например, необходимым условием квалификации содеянного по ст. 264 УК РФ является установление факта нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, т.е. признаков административного правонарушения. Исходя из этого, с очевидностью можно заключить, что для квалификации преступления как нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств необходимо солидарное применение ст. 264 УК РФ и Правил дорожного движения.

Квалификация преступлений по уголовно-правовым нормам, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права, во многом зависит от технико-юридических приемов формулирования уголовного закона.

Объективно существующая связь между предписаниями уголовного закона и нормативным материалом иной отраслевой принадлежности зачастую отражается непосредственно в тексте Уголовного кодекса. При этом законодатель использует различные приемы:

- указывает на незаконный характер деяния (например, ст.ст. 123, 128 УК РФ);
- использует слова «противоправный», «неправомерный» (например, ст.ст. 166, 195 УК РФ);
- ссылается на нарушение правил (например, ст.ст. 181, 188, 215, 216 УК РФ);
- употребляет словосочетания «нарушение обязанностей», «выполнение обязанностей» (например, ст.ст. 122, 156, 201 УК РФ).

С другой стороны, полиисточниковый характер уголовно-правовых норм, складывающихся из предписаний уголовного закона и нормативных актов иных отраслей права, может и не найти прямого отражения в уголовном законе («скрытая», «неявная» бланкетность).

Так, например, подавляющее большинство статей Особенной части включает отдельные термины иной отраслевой принадлежности, требующих для их уяснения обращения к соответствующим нормативным актам. Однако при этом, связь уголовно-правовых предписаний с «неуголовным» нормативным материалом специально не оговаривается.

В зависимости от того, отражен ли непосредственно в тексте уголовного закона полиисточниковый характер соответствующей уголовно-правовой нормы, существенным образом отличается закрепление результатов квалификации преступления в правоприменительном акте.

Разумеется, в резолютивной части приговора, где закрепляется квалификация совершенного лицом деяния, указываются только пункт, часть, статья Уголовного кодекса РФ, предусматривающие ответственность за преступление, в совершении которого подсудимый признан виновным (п. 3 ч. 1 ст. 308 УПК РФ). Указание на нормативный акт иной отрасли права, являющийся источником соответствующей уголовно-правовой нормы, в резолютивной части приговора недопустимо.

Однако в описательно-мотивировочной части приговора ссылка на нормативный акт иной отраслевой принадлежности вполне допустима, и, более того, в ряде случаев обязательна.

Так, Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении № 1 от 23 апреля 1991 г. «О судебной практике по делам о нарушении правил охраны труда и безопасности горных строительных и иных работ» (в действующей редакции) особо подчеркнул, что в приговоре суд обязан сослаться на конкретные пункты действующих правил безопасности работ и охраны труда, нарушение которых повлекло либо могло повлечь указанные в законе последствия.¹⁸⁵

Нетрудно заметить, что обязательность указания в правоприменительном акте конкретных пунктов нарушенных правил безопасности работ и охраны труда продиктована тем, что в уголовном законе (ст.ст. 143 и 216 УК РФ) содержится прямая ссылка на соответствующие правила.

Такая же ссылка имеет место в ст. 219 УК РФ, устанавливающей ответственность за нарушение правил пожарной безопасности. В этой связи Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 14 от 5 июня 2002 г. указал, что при решении вопроса о виновности лица в нарушении правил пожарной безопасности, повлекшем наступление последствий, предусмотренных ст. 219 УК РФ, судам необходимо выяснять, в чем конкретно состояло ненадлежащее исполнение либо невыполнение данных правил и указывать на это в приговоре со ссылкой на конкретные пункты правил пожарной безопасности, которые были нарушены.¹⁸⁶

Аналогичное указание содержится в разъяснении высшей судебной инстанции, сформулированном применительно к нарушению правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. В постановлении № 50 от 22 октяб-

¹⁸⁵ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., 1999. – С. 445.

¹⁸⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2002. - № 8. – С. 4.

ря 1969 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (в действующей редакции) Пленум Верховного Суда специально разъяснил следующее. Признавая лицо виновным в нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, суды обязаны указывать в приговорах, какие именно правила им нарушены и в чем конкретно выразилось это нарушение.¹⁸⁷

Таким образом, если в уголовном законе имеется прямая ссылка на нормативные акты иной отраслевой принадлежности, правоприменитель в описательно-мотивировочной части правоприменительного акта обязан указать не только статью (статьи) Уголовного кодекса, но и соответствующее «неуголовное» нормативное предписание.

Невыполнение этого требования может привести к отмене приговора.

Так, Вологодским областным судом Изюмов осужден по ч. 1 ст. 85 УК РСФСР (ч. 1 ст. 263 УК РФ). По тому же делу осужден Задворный.

Изюмов был признан виновным в нарушении правил безопасности движения, повлекшем причинение крупного ущерба Вологодскому отделению Северной железной дороги.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор отменила по следующим основаниям. Признавая Изюмова и Задворного виновными в нарушении правил безопасности движения на железнодорожном транс-

¹⁸⁷ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Россий-

порте, повлекшем причинение крупного ущерба, областной суд в описательной части приговора не указал, какие конкретно нарушения правил безопасности движения на железнодорожном транспорте Изюмовым и Задворным привели к столкновению подвижного состава, находятся ли эти нарушения в причинной связи с наступившими последствиями.¹⁸⁸

В том же случае, когда ссылка на «неуголовные» нормативные акты лишь подразумевается, указание их в описательно-мотивировочной части правоприменительного акта возможно, но не обязательно.

Разумеется, даже при «неявной» бланкетности нормативные предписания иной отраслевой принадлежности всегда учитываются при квалификации. В противном случае было бы невозможно уяснить отдельные бланкетные признаки, выяснить нижнюю границу уголовно-правового запрета, установить полное содержание уголовно-правовой нормы.

Однако в отсутствие прямой ссылки уголовного закона на «неуголовные» нормативные акты, их использование в качестве источника уголовно-правовой нормы вовсе не обязательно должно найти отражение в правоприменительном акте.

В любом случае, нормативный акт иной отрасли права не утрачивает качество источника уголовного права, даже если будучи использованным для установления отдельного бланкетного признака, в обвинительном заключении (акте) или приговоре не указан.

Сходная ситуация имеет место с нормативными предписаниями Общей части УК РФ, которые во всех без исключения случаях учитываются при квалификации преступле-

ской Федерации) по уголовным делам. – М., 1999. – С. 340.

ний, но указываются в формуле квалификации лишь при оценке действий соучастников (ч.ч. 2-5 ст. 33 УК РФ) и при неоконченном преступлении (ч.ч. 1, 3 ст. 30 УК РФ).

Квалификация преступлений по уголовно-правовым нормам, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права, зачастую возлагает на правоприменителя дополнительную обязанность устанавливать не только признаки состава преступления, но и признаки иного правонарушения.

Такие ситуации имеют место в случае, когда признаки состава преступления формулируются путем ссылки на нарушение лицом определенных правил (ст.ст. 215-219, 263, 264 УК РФ и др.). Учитывая, что в подавляющем большинстве случаев, нарушение специальных правил образует самостоятельное правонарушение, необходимым составным элементом уголовно-правовой квалификации является квалификация иного правонарушения (например, административного).

Таким образом, при бланкетной диспозиции уголовного закона квалификация нарушения специальных правил, по существу, представляет собой самостоятельный этап уголовно-правовой квалификации.

Отмеченная специфика имеет своим следствием необходимость более внимательного отношения к установлению факта нарушения специальных правил, ссылка на которые содержится в бланкетной диспозиции статьи Особенной части УК РФ. Это объясняется тем, что при бланкетной диспозиции уголовного закона ошибочная квалификация

¹⁸⁸ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1978. - № 2. – С. 7-8.

иного правонарушения приводит к неверной квалификации преступления в целом.

По данным Н.И. Пикурова, полученным в результате выборочного изучения уголовных дел «со смешанной противоправностью», 60–70 % случаев отмены или изменения приговоров кассационной инстанцией связано именно с неправильной квалификацией нарушений специальных правил.¹⁸⁹

Так, например, отменяя приговор Ростовского областного суда, которым Н. И М. были осуждены по ч. 1 ст. 85 УК РСФСР (ст. 263 УК РФ), Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в качестве одной из причин отмены приговора указала, что «поверхностно исследован вопрос и о характере допущенных виновными лицами нарушений правил безопасности движений и эксплуатации транспорта. Привлекая к уголовной ответственности по ст. 85 УК РСФСР виновных лиц, органы предварительного расследования обязаны были вменить им в вину нарушение конкретных правил безопасности движения и эксплуатации транспорта».¹⁹⁰

По другому уголовному делу, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, отменяя приговор в отношении И. и З., осужденных по ч. 1 ст. 85 УК РСФСР (ст. 263 УК РФ), указала, что при новом рассмотрении суду надлежит квалифицировать совершенное ими нарушение

¹⁸⁹ Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с конкретизацией запрета в административном праве): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – С. 143.

¹⁹⁰ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1963. - № 7. – С. 8-9.

правил безопасности движения и эксплуатации транспорта.¹⁹¹

Разумеется, квалификация преступления при бланкетной диспозиции уголовного закона не ограничивается лишь установлением самого факта нарушения специальных правил. Необходимо учитывать то обстоятельство, что подавляющее большинство преступлений «со смешанной противоправностью» имеют материальную конструкцию объективной стороны.

Следовательно, в процессе квалификации необходимо установить факт наступления определенных в законе последствий и наличие причинной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями. И если указанные признаки объективной стороны отсутствуют, то само по себе нарушение специальных правил не может рассматриваться как преступление.

Так, например, за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта (ст. 263 УК РФ) были осуждены пилот К., дежурный по вертолетной стоянке У. и авиатехник Ц. при следующих обстоятельствах. К. после завершения полета и посадки не передал вертолет в установленном порядке и ушел. У. не принял вертолета и вообще не подходил к нему. Ц., будучи в состоянии алкогольного опьянения и имея ключи от запорных устройств, поднялся в кабину вертолета для проверки положения органов управления и внесения в бортовой журнал необходимых записей. Заняв место пилота, он без всякой надобности запустил двигатель, включил трансмиссию и начал перемещение машины. Вертолет поднялся в воздух, а

¹⁹¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1978. - № 2. – С. 7-8.

затем рухнул на землю и оказался полностью выведенным из строя.

Пленум Верховного Суда СССР приговор в отношении К. и У. Отменил и дело в отношении них прекратил за отсутствием состава преступления, указав, что допущенные К. и У. Нарушения не находятся в причинной связи с наступившими последствиями. Если бы К. в установленном порядке передал вертолет, а У. Принял его как положено, то и тогда бы они не могли предотвратить нарушений, допущенных Ц. Последний был им неподконтролен и имел свободный доступ к вертолету по службе. Он действовал самостоятельно и только допущенные им нарушения находятся в причинной связи с наступившими последствиями.¹⁹²

Рассматривая особенности квалификации преступлений по уголовно-правовым нормам, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права, необходимо поднять проблему установления вины – обязательного признака субъективной стороны преступления.

Как известно, вина представляет собой психическое отношение лица к совершаемому им деянию, его последствиям и иным юридически значимым обстоятельствам преступления, которое проявляется в форме умысла или неосторожности. Иными словами, вина – это психическое отношение к объективным признакам преступления, имеющим уголовно-правовое значение.

Когда для формулирования уголовно-правового запрета используется бланкетная диспозиция, объективная сторона преступления включает общественно-опасное деяние, выразившееся в нарушении определенных правил. А, следо-

вательно, для установления психического отношения к совершенному деянию необходимо установить психическое отношение лица к соответствующим правилам, нарушение которых и образует деяние.

В этой связи возникает вопрос о том, в какой мере на квалификацию преступления влияет юридическая ошибка, выразившаяся в незнании лицом нарушенных им специальных правил.

В доктрине уголовного права на этот счет высказываются две противоположные точки зрения.

Согласно одной научной позиции, для привлечения к уголовной ответственности за преступление, объективная сторона которого заключается в нарушении каких-либо специальных правил, требуется установить, что лицо знало соответствующие правила, то есть осознавало противоправность содеянного.

Так, например, Э. Мурадов считает, что бланкетный характер статей уголовного закона обязывает правоприменителя доказывать знание лицом, совершившим правонарушение, соответствующих законов, иных нормативных актов, относящихся к той или иной сфере деятельности, отрасли производства.¹⁹³

А.В. Наумов, рассматривая юридическую ошибку, выразившуюся в неправильном представлении лица о совершенном им деянии как непреступном, тогда как в действительности такое деяние является преступлением, определяет ее уголовно-правовые последствия следующим обра-

¹⁹² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. – М., 1981. – С. 55-62.

¹⁹³ Мурадов Э. Ошибки при квалификации экономических преступлений // Российская юстиция. – 2004. - № 1.

зом. Согласно существующей в уголовном праве презумпции знания законов, такая ошибка, по общему правилу, не имеет уголовно-правового значения. Однако когда преступное деяние связывается с нарушением определенных специальных правил, «уголовная ответственность обязательно предполагает в этих случаях знание субъектом соответствующих инструкций, правил и других нормативных установлений».

В этих случаях, - пишет А.В. Наумов, - изменение уголовно-правового запрета может происходить и без изменения уголовного закона как такового, а в связи с изменением нормативных актов иных отраслей права. Исходя из этого, А.В. Наумов делает вывод, что «если субъект не ознакомлен с новыми правилами или инструкциями, изменяющими содержание уголовно-правового запрета, он не может быть привлечен к уголовной ответственности, так как в его действиях отсутствует как умышленная, так и неосторожная вина».¹⁹⁴

В том же ключе рассуждает П.С. Яни, который анализирует обозначенную проблему на следующем примере.

Гражданин Д., зарегистрированный в качестве предпринимателя и планировавший заниматься деятельностью по сбору у населения использованных радиодеталей и их лома, содержащих драгоценные металлы, приобрел такие детали у гражданина Т., при этом оба полагали свои действия не противоречащими закону.

Не ставя под сомнения тот факт, что совершенные Д. и Т. действия содержат объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ, П.С. Яни

поднимает вопрос о наличии субъективной стороны преступления. Преступление, предусмотренное ст. 191 УК РФ, характеризуется виной в форме прямого умысла, а, следовательно, для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности за совершение сделки с драгоценными металлами, по мнению П.С. Яни, необходимо установить, что совершенные ими действия являются заведомо противозаконными.

И «если уголовно-правовой запрет для лица вовсе не очевиден в связи с тем, что этому лицу не знакомы конкретные правила, к которым отсылает статья Уголовного кодекса и которые лицо, таким образом, нарушает, у этого лица отсутствует прямой умысел... независимо от того, соблюдено ли установленное ст. 15 Конституции требование об обязательной публикации нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина».¹⁹⁵

Другая точка зрения сводится к тому, что незнание специальных правил, нарушение которых предусмотрено уголовным законом в качестве преступления, не исключает уголовной ответственности лица, нарушившего соответствующие правила.

По большому счету, ответ на поставленный вопрос, по существу, зависит от решения более общей проблемы: входит ли в содержание умышленной формы вины осознание противоправности содеянного или же умысел ограничен осознанием исключительно общественной опасности деяния?

¹⁹⁴ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М., 2000. – С. 251-252.

Должно ли интеллектуальное содержание неосторожности включать осознание противоправности (при легкомыслии) или возможность осознания противоправности (при небрежности) содеянного?

В доктрине уголовного права до настоящего времени преобладает точка зрения, согласно которой осознание противоправности не входит в содержание умысла.

Так, например, Л.Д. Гаухман утверждает, что для наличия интеллектуального момента умысла «не требуется, чтобы виновный осознавал запрещенность совершаемого действия или воздержания от него уголовным законом. Это положение корреспондируется с принципом, согласно которому незнание закона не исключает уголовной ответственности. Если человек не осознавал, что его действие или бездействие запрещено законом, то налицо юридическая ошибка, которая не влияет на уголовную ответственность».¹⁹⁶

Положение о том, что «возможно совершение умышленного преступления без знания запрещенности такого деяния уголовным законом» содержится и в учебной литературе.¹⁹⁷

В то же время, отдельные специалисты в области уголовного права признают, что интеллектуальный момент умысла должен включать и осознание противоправности совершаемого деяния.

¹⁹⁵ Яни П.С. О значении принципа «Ignorantia juris nocet» для вменения составов экономических преступлений // Уголовное право в XXI веке. – М., 2002. – С. 235-236.

¹⁹⁶ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М., 2003. – С. 149.

¹⁹⁷ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М., 2002. – С. 312.

Неотъемлемой чертой умышленной формы вины, – пишет А.И. Рарог, – следует признать *осознание* (а при неосторожности – возможность осознания) *противоправного характера* совершаемого деяния.¹⁹⁸

В том же ключе рассуждает В.А. Якушин, который обосновывает необходимость законодательного определения вины как психического отношения к деянию не только общественно опасному, но и противоправному.¹⁹⁹

Как представляется, вопрос о содержании интеллектуального момента вины в целом, и умысла в частности, должен решаться на основании и в рамках принципиального уголовно-правового положения о субъективном вменении (ст. 5 УК РФ).

Как известно, сущность принципа субъективного вменения заключается в том, что «юридическая оценка совершаемых лицом деяний и применение правовых мер воздействия на него допускается лишь тогда, когда имеющие правовое значение обстоятельства деяния охватывались сознанием лица его совершившего и были предусмотрены законом».²⁰⁰

Противоправность деяния, согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ, является атрибутивным и полноправным признаком преступления, так же как его общественная опасность, виновность и наказуемость.

Следовательно, надо признать, что интеллектуальное содержание умышленной вины должно включать осознание не

¹⁹⁸ Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб., 2002. – С. 81.

¹⁹⁹ Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. – Тольятти, 1998. – С. 122.

²⁰⁰ Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. – Тольятти, 1998. – С. 16.

только общественной опасности деяния, но и его противоправности.

Аналогичным образом следует подходить и к установлению интеллектуального содержания неосторожной вины. Неосторожность в виде легкомыслия, на наш взгляд, должна предполагать осознание противоправности совершаемого деяния, а небрежность – возможность осознания противоправности содеянного.

Этот принципиальный вывод об интеллектуальном содержании вины может быть положен в основу решения обозначенного нами вопроса о влиянии юридической ошибки на квалификацию преступления, объективная сторона которого включает нарушение специальных правил.

Представляется возможным предложить следующие правила квалификации при юридической ошибке подобного рода.

1. Если лицо не знает специальных правил, нарушение которых входит в объективную сторону преступления, совершенное им деяние не может быть признано умышленным. Это правило имеет особую важность применительно к преступлениям, состав которых имеет формальную конструкцию, а, следовательно, предполагает исключительно прямоумышленную вину (ст. ст. 191, 271 УК РФ). В этих случаях, незнание лицом объективно нарушенных специальных правил исключает уголовную ответственность за отсутствием состава преступления.

2. Если при юридической ошибке, выразившейся в незнании объективно нарушенных специальных правил, лицо должно было и могло знать соответствующие правила, имеет место небрежность – разновидность неосторожной вины.

3. Если же лицо не знало специальные правила, за нарушение которых установлена уголовная ответственность, не должно было и не могло знать такие правила, то содеянное следует расценивать как невиновное причинение вреда.

В любом случае, при квалификации преступлений, объективная сторона которых выражается в нарушении специальных правил, установленных «неуголовными» нормативными актами, следует обязательно устанавливать субъективное отношение лица к нарушенным правилам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Длительное время в отечественной уголовно-правовой науке считалось, что уголовно-правовая норма может быть выражена только в форме уголовного закона, а сам уголовный закон объявлялся единственным источником уголовного права. Современная уголовно-правовая доктрина, напротив, исходит из признания полиисточникового характера уголовного права, что продиктовано, в первую очередь, предписаниями самого уголовного закона (ч. 2 ст. 1 УК РФ).

2. Источник уголовного права представляет собой форму выражения уголовно-правовых норм. Как правило, уголовно-правовая норма выражена в одном нормативном акте и этот нормативный акт следует считать источником уголовно-правовой нормы, а, следовательно, и источником уголовного права. В то же время, уголовно-правовая норма содержательно может включать положения и других нормативных актов, причем среди них могут быть нормативные акты, не относящиеся непосредственно к сфере уголовно-правового регулирования. Исходя из формально-юридического понимания источника уголовного права как формы выражения уголовно-правовых норм, следует признать, что если уголовно-правовая норма выражена в нескольких нормативных актах, то каждый из них является источником такой нормы.

3. Признание нормативных актов иных отраслей права источниками уголовного права обусловлено бланкетным характером уголовного закона.

4. Бланкетность представляет собой особую форму конструирования уголовного закона, при которой содержание уголовно-правовой нормы складывается как из положений уголовного закона, так и положений нормативных актов иных отраслей права. В любом варианте проявления бланкетности (бланкетная диспозиция, бланкетные признаки) нормативные положения другой отраслевой принадлежности становятся неотъемлемой частью уголовно-правовой нормы. Наполняя своими положениями уголовно-правовую норму, нормативные акты иной отраслевой принадлежности должны рассматриваться в качестве источников уголовного права.

5. При бланкетном способе конструирования уголовного закона нормативные акты иной отраслевой принадлежности не устанавливают новых признаков состава преступления. Другое дело, что установленные уголовным законом бланкетной конструкции признаки состава преступления конкретизируются, наполняются нормативными предписаниями иных отраслей права. В то же время, наполняя своими нормативными положениями признаки состава преступления, нормативные акты иных отраслей права непосредственным образом влияют на содержание уголовно-правового запрета.

6. Использование нормативных актов иных отраслей права в качестве источников уголовного права обеспечивает стабильность уголовного закона и, при необходимости, позволяет изменять фактическое содержание уголовно-правовой нормы без трансформации текста Уголовного кодекса. Именно в этом видится функциональное предна-

значение нормативных актов иных отраслей права, являющихся источниками уголовного права.

7. При бланкетном способе конструирования уголовного закона содержание соответствующих уголовно-правовых норм напрямую зависит от нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности. Следовательно, использование региональных нормативных актов в качестве источников уголовного права, по сути дела, означает возможность варьирования круга уголовно-наказуемых деяний в различных субъектах Российской Федерации, что противоречит принципу равенства перед уголовным законом (в зависимости от места жительства). Более того, признание источниками уголовного права региональных нормативных актов противоречит конституционному предписанию о единообразном понимании и применении уголовно-правовых норм в Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции России). Таким образом, при бланкетном способе конструирования уголовного закона источниками уголовного права следует признавать только федеральные нормативные акты иных отраслей права.

8. Регламентация различного рода специальных правил безопасности (к которым отсылает уголовный закон) на уровне подзаконных нормативных актов социально обусловлена. Использование подзаконных актов федерального уровня в качестве источников уголовного права позволяет сочетать стабильность уголовного закона с оперативностью подзаконных нормативных предписаний органов исполнительной власти.

9. Установление самостоятельных уголовно-правовых норм в нормативных актах иных отраслей права противоре-

чит принципам уголовного права, а соответствующие нормативные акты не могут расцениваться в качестве источников уголовного права. Нормативные акты иных отраслей права могут выступать в качестве источников уголовного права лишь посредством взаимосвязи с предписаниями уголовного закона, причем лишь при наличии прямой или подразумеваемой ссылки.

10. Нормативный акт иной отрасли права, являющийся источником уголовного права, можно определить как закон или подзаконный акт федерального уровня, предписания которого влияют на содержание уголовно-правовой нормы.

11. В силу бланкетной формы конструирования уголовного закона, применение уголовно-правовых норм предполагает необходимость установления конкретного нормативного акта (актов) иной отрасли права, детализирующего предписания уголовного законодательства. Установление отрасли права, нормативными предписаниями которой детализируют уголовно-правовую норму, следует начинать с определения объекта уголовно-правовой охраны.

12. Устанавливая нормативные акты, являющиеся источниками уголовно-правовой нормы, следует принимать во внимание то обстоятельство, что правовые отрасли, с предписаниями которых связан уголовный закон, зачастую состоят из системы различных нормативных актов, различающихся по юридической силе. В качестве источника уголовно-правовой нормы, сформулированной бланкетным способом, предпочтительнее использовать нормативный акт, обладающий наибольшей юридической силой. В то же время, источником уголовно-правовой нормы, сформулированной бланкетным способом, может являться и нормативный акт

меньшей юридической силы, если он конкретизирует предписание «неуголовного» нормативного акта большей юридической силы.

13. Установление содержания уголовно-правовых норм, источниками которых являются нормативные акты иной отраслевой принадлежности, предполагает необходимость толкования не только уголовного закона, но и «неуголовных» нормативных предписаний. При этом содержание нормативного материала иной отраслевой принадлежности уясняется в контексте нормативных предписаний уголовного закона. И если в процессе толкования будет установлено, что содержание нормативных актов иных отраслей права противоречит уголовному закону, они не могут служить источником уголовного права.

14. При квалификации преступления по уголовно-правовым нормам, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права, следует исходить из нормативных предписаний иных отраслей права, действующих на момент совершения деяния.

15. Необходимой предпосылкой применения нормативных актов иной отраслевой принадлежности в качестве источников уголовного права является установление временных границ их действия. Только вступивший в силу и не утративший ее на момент совершения соответствующего деяния нормативный акт иной отрасли права может использоваться в качестве источника уголовного права.

16. Признанный противоречащим Конституции РФ федеральный закон, являющийся источником уголовного права, необходимо рассматривать как изначально нелегитимный, а значит, недействительными следует признавать основанные

на нем правоприменительные решения, в том числе, и акты уголовного правоприменения. Аналогичным образом следует решать вопрос о юридических последствиях решения суда общей юрисдикции о недействительности подзаконного нормативного акта, являющегося источником уголовного права.

17. Изменение нормативного акта иной отраслевой принадлежности, в ряде случаев, по правовым последствиям сопоставимо с изменением уголовного закона. А, следовательно, если изменение нормативных актов иных отраслей права приводит к улучшению положения лица, совершившего преступление, это улучшение должно иметь обратную силу. Однако такое улучшение положения лица, совершившего преступление, осуществляется без изменения самого уголовного закона, а, значит, непосредственное применение положений ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона невозможно. Представляется, что в этом случае прямое действие должно иметь конституционное предписание о том, что если после совершения правонарушения ответственность устранена или смягчена, применяется новый закон (ч. 2 ст. 54 Конституции РФ).

18. Исходя из того, что при бланкетной конструкции уголовного закона содержание признаков состава преступления дополняется «неуголовными» нормативными предписаниями, квалификация преступлений предполагает совместное применение уголовного закона и нормативных актов иной отраслевой принадлежности. Только в этом случае возможно установить полное содержание уголовно-правовой нормы, признаков состава преступления определенного ви-

да, и на этом основании квалифицировать совершенное общественно-опасное деяние.

19. Если в уголовном законе имеется прямая ссылка на нормативные акты иной отраслевой принадлежности, правоприменитель в описательно-мотивировочной части правоприменительного акта обязан указать не только статью (статьи) Уголовного кодекса, но и соответствующее «неуголовное» нормативное предписание. В том же случае, когда ссылка на нормативные акты иной отраслевой принадлежности лишь подразумевается, указание их в описательно-мотивировочной части правоприменительного акта возможно, но не обязательно. При этом нормативный акт иной отрасли права не утрачивает качество источника уголовного права, даже если будучи использованным для установления отдельного бланкетного признака, в обвинительном заключении (акте) или приговоре не указан.

20. Квалификация преступлений по уголовно-правовым нормам, источниками которых являются нормативные акты иных отраслей права, зачастую возлагает на правоприменителя дополнительную обязанность устанавливать не только признаки состава преступления, но и признаки иного правонарушения. Такие ситуации имеют место в случае, когда признаки состава преступления формулируются путем ссылки на нарушение лицом определенных правил (ст.ст. 215-219, 263, 264 УК РФ и др.). Учитывая, что в подавляющем большинстве случаев, нарушение специальных правил образует самостоятельное правонарушение, необходимым составным элементом уголовно-правовой квалификации является квалификация иного правонарушения (например, административного).

21. Для привлечения к уголовной ответственности за преступление, объективная сторона которого заключается в нарушении каких-либо специальных правил, требуется установить, что лицо знало соответствующие правила, то есть осознавало противоправность содеянного.

22. Квалификацию преступлений, объективная сторона которых состоит в нарушении специальных правил, при юридической ошибке в противоправности содеянного, следует осуществлять на основании следующих правил:

а) если лицо не знает специальных правил, нарушение которых входит в объективную сторону преступления, совершенное им деяние не может быть признано умышленным;

б) если при юридической ошибке, выразившейся в незнании объективно нарушенных специальных правил, лицо должно было и могло знать соответствующие правила, имеет место небрежность - разновидность неосторожной вины;

в) если лицо не знало специальные правила, за нарушение которых установлена уголовная ответственность, не должно было и не могло знать такие правила, то содеянное следует расценивать как невиновное причинение вреда.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРИ НАПИСАНИИ ДИССЕРТАЦИИ

Нормативные акты и официальные документы:

1. Конституция Российской Федерации. – М., 1993.
2. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
3. Воздушный кодекс Российской Федерации. – М., 2004.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (в действующей редакции). – М., 2004.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в действующей редакции). – М., 2004.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации (в действующей редакции). – М., 2004.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации (в действующей редакции). – М., 2004.
8. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (1960 года). – М., 1995.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в действующей редакции). – М., 2004.
10. Закон РФ от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» (в действующей редакции) // Российская газета. – 1997, 9 октября.
11. Федеральный закон от 13 ноября 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (в действующей редакции) // Собрание за-

конодательства Российской Федерации. - 1996. - № 51. - Ст. 5681.

12. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. «О безопасности дорожного движения» // Российская газета. - 1995, 26 декабря.

13. Федеральный закон от 25 сентября 1998 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 39. - Ст. 4857.

14. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Российская газета. - 2001, 10 августа.

15. Федеральный закон от 10 декабря 1997 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 2. - Ст. 219.

16. Федеральный закон от 25 мая 1994 г. «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 8. - Ст. 801.

17. Федеральный закон от 18 ноября 1994 г. «О пожарной безопасности» (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 35. - Ст. 3649.

18. Федеральный закон от 12 марта 1999 г. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 14. - Ст. 1650.

19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 1. - Ст. 54.

20. Указ Президента РФ № 1203 от 30 ноября 1995 г. «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 49. - Ст. 4775.

21. Постановление Правительства РФ от 24 декабря 1994 г. № 1418 «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 1. - Ст. 69.

22. Постановление Правительства РФ от 17 мая 1997 г. № 601 «О маркировании товаров и продукции на территории Российской Федерации знаками соответствия, защищенными от подделок» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - № 21. - Ст. 2487.

23. Постановление Правительства РФ от 19 сентября 1997 г. № 1193 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 17 мая 1997 г. № 601 «О маркировании товаров и продукции на территории российской Федерации знаками соответствия, защищенными от подделок» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - № 38. - Ст. 4395.

24. Постановление Правительства РФ от 20 октября 1998 г. «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 17 мая 1997 г. № 601 «О маркировании товаров и продукции на территории рос-

сийской Федерации знаками соответствия, защищенными от подделок» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 43. - Ст. 5358.

25. Постановление Правительства РФ от 24 июня 1999 г. «О внесении изменений в перечень первой группы товаров и продукции, подлежащих обязательному маркированию знаками соответствия, защищенными от подделок, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 17 мая № 601» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 27. - Ст. 3373.

26. Постановление Правительства РФ от 10 июля 1999 г. «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 17 мая 1997 г. № 601» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 29. - Ст. 3752.

27. Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2002 г. № 82 «Об отмене постановлений Правительства Российской Федерации по вопросам маркирования товаров и продукции знаками соответствия, защищенными от подделок» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 6. - Ст. 585.

28. Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «Об утверждении Правил дорожного движения Российской Федерации» (в действующей редакции) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. - 1993. - № 47. - Ст. 4531.

29. Постановление Совета Министров РСФСР от 10 октября 1960 г. № 1548 «Об утверждении Положения об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР» // Собрание постановлений Правительства РСФСР. - 1960. - № 34. - Ст. - 164.

30. Приказ МВФ России от 14 декабря 1993 г. № 536 «Об утверждении Правил пожарной безопасности в Российской Федерации» (в действующей редакции) // Российские вести. – 1994, 19 января.

31. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. – Т. 1. – М., 1987.

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 27 апреля 1993 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлению прокуроров о признании правовых актов, противоречащих закону» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. – М., 1995.

33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 41/9 от 11 июня 1999 г. «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса РФ» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., 2000.

34. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР № 1 от 23 апреля 1991 г. «О судебной практике по делам о нарушении правил охраны труда и безопасности горных строительных и иных работ» (в действующей редакции) // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., 1999.

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 5 июня 2002 г. «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате не-

осторожного обращения с огнем» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., 2003.

36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 50 от 22 октября 1969 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (в действующей редакции) // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., 1999.

37. Уголовный кодекс Российской Федерации с постановочными материалами / Сост. С.В. Бородин, С.В. Замятина, И.Н. Иванова; Под. ред. В.М. Лебедева. – М., 2001.

Литература :

1. Алексеев С.С. Общая теория права. – М., 1981.
2. Аликперов Х.Д., Курбанова К.Ш. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности // Государство и право. – 2000. – № 1.
3. Аликперов Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Законность. – 1999. – № 5.
4. Алексеев С.С. Структура советского права. – М., 1975.
5. Белкин А.А. Вопросы юридической силы решений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 2.

6. Беляева Н.В. Некоторые вопросы применения бланкетных диспозиций УК и их классификация // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1979. – Вып. 31.
7. Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. – СПб., 1995.
8. Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб., 2002.
9. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М., 1967.
10. Братусь С.Н. Теоретические вопросы системы советского законодательства. – М., 1962.
11. Васильченко А. Разграничение мелкого хищения и уголовно-наказуемых форм хищения // Уголовное право. – 2003. – № 4.
12. Вильнянский С.И. К вопросу об источниках советского права // Проблемы социалистического права. – 1939. – № 4-5.
13. Волженкин Б. Мелкое хищение чужого имущества // Уголовное право. 2002.
14. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). – СПб., 2002. – № 4.
15. Бриллиантов А.В., Бурковская В.А. Понятие мелкого хищения и общие вопросы уголовного законодательства // Российский следователь. – 2003. – № 5.
16. Вопленко Н.Н. Следственная деятельность и толкование права. – Волгоград, 1978.
17. Гаджиев Г.А. Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права. – М., 2000.

18. Гарифуллина Л. Ответственность за преступления в сфере финансово-кредитных отношений // Российская юстиция. - 1997. - № 2.
19. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. - М., 2003.
20. Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке. - М., 2002.
21. Гулиев В.Е., Кравцов Г.А. Действие закона во времени и пространстве: Рецензия на: Тилле А.А. Время, пространство, закон. - М., 1969. // Советское государство и право. - 1969. - № 7.
22. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. - М., - 1998.
23. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. - М., 1967.
24. Жалинский А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // Государство и право. - 1999. - № 12.
25. Жилин Г. Признание нормативных актов недействительными // Российская юстиция. - 1998. - № 7.
26. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. - М., 1997.
27. Законодательная техника. - Л., 1965.
28. Законодательная техника: Научно-практическое пособие. - М., 2000.
29. Законодательство Российской Федерации: теоретические вопросы, проблемы и перспективы: «Круглый стол» журнала // Государство и право. - 1992. - № 10.

30. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб., 2001.
31. Иоффе О.С. Советское гражданское право. – Л., 1958.
32. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. – М., 1988.
33. Керимов Д.А. Законодательная техника. – М., 1998.
34. Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М., 1972.
35. Кечекьян С.Ф. О понятии источников права // Ученые записки МГУ. Вып. 116. Труды юридического факультета. Кн 2.
36. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г., Шибков О.Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. – Ставрополь, 2000.
37. Кибальник А.Г. Введение в международное уголовное право. – Ставрополь, 2001.
38. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / Под общ. ред. Скуратова Ю.А. и Лебедева В.М. – М., 1996.
39. Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., – 1985.
40. Коняхин В. Конституция как источник Общей части уголовного права // Российская юстиция. – 2002. – № 4.
41. Коняхин В.П. Международный договор как источник российского уголовного права // Уголовное право в XXI веке. – М., 2002.

42. Коняхин В.П. Теоретические основы построения
Общей части российского уголовного права. – СПб., 2002.
43. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации пре-
ступлений. – М., 2001.
44. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. –
М., 1969.
45. Курс российского уголовного права. Общая часть
/ Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2001.
46. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1:
Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М.
Тяжковой. – М., 2002.
47. Курс советского уголовного права / Под ред.
А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. –
М., 1970. – Т. 1.
48. Курс уголовного права. Т. 3. Особенная часть /
Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. – М., 2002.
49. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. – М.,
1962.
50. Лившиц Р.З. Судебная практика как источник
права // Судебная практика как источник права. – М.,
1997.
51. Лопашенко Н.А. Спорные вопросы понимания и
квалификации налоговых преступлений (в порядке иници-
рования дискуссии) // Юрист. – 2001. – № 6.
52. Магомедов Д., Ковалев В. Особенности квалифи-
кации налоговых преступлений // Законность. – 2003. – №
2.
53. Марченко М.Н. Источники романо-германского
права: понятие, виды, классификация // Вестник Москов-
ского университета. – Сер. 11, Право. – 2000. – № 2.

54. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. – СПб., 2000.
55. Минская В. Уголовно-правовое обеспечение применения норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Уголовное право. – 1999. – № 3.
56. Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства. – М., 1967.
57. Мурадов Э. Ошибки при квалификации экономических преступлений // Российская юстиция. – 2004. – № 1.
58. Муромцев Г.И. Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Правоведение. – 1992. – № 2.
59. Наумов А.В. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. – 2002. – № 7.
60. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. – М., 1973.
61. Наумов А.В. Проблемы декриминализации: причины и способы // Советская юстиция. – 1990. – № 19.
62. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М., 2000.
63. Наумов А.В. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. – 1994. – № 1.
64. Наумов А.В., Новиченко А.С. Законы логики при квалификации преступлений. – М., 1978.
65. Нафиков М. Квалификация незаконного предпринимательства // Российская юстиция. – 1999. – № 3.
66. Неклюдов Н. Общая часть уголовного права. – СПб., 1875.
67. Новицкий И.Б. Источники советского гражданского права. – М., 1959.

68. Ображиев К.В. Судебный прецедент в уголовном праве России. – Ставрополь, 2002.
69. Общая теория советского права. – М., 1966.
70. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1970.
71. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 11. – СПб., 1910.
72. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. – М., 1962.
73. Пикуров Н.И. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией. – Волгоград, 1985.
74. Пикуров Н.И., Радаева Н.Л. Некоторые вопросы взаимосвязи терминов уголовного права и процесса // Некоторые вопросы взаимосвязи терминов уголовного права и процесса // актуальные вопросы предварительного расследования: Межвуз. Сб. науч. тр. – Волгоград, 1997.
75. Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград, 1998.
76. Пионтковский А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. – М., 1924.
77. Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. – М., 1996.
78. Поленина С.В., Лазарев Б.М., Лившиц Р.З., Козлов А.Е., Глушко Е.К. Инициативный проект федерального Закона о законах и иных нормативно-правовых актах РФ // Государство и право. – 1995. – № 3.
79. Полянский И.А. Правовая природа исполнительной власти и ее место в организации государственной власти // Правоведение. – 1999. – № 4.

80. Попов А.Н. Уголовный закон и его обратная сила. – СПб., 1998.
81. Пособие к лекциям Сергеевского Н.Д., заслуженного профессора С.-Петербургского Императорского Университета. – С.-Петербург, 1905.
82. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. – М., 1991.
83. Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб., 2003.
84. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб., 2002.
85. Российская юридическая энциклопедия. – М., 1999.
86. Сверчков В. Влияние иных отраслей права на применение норм уголовного законодательства // Законность. – 2004. – № 6.
87. Смирнов В.Г. Правоотношение в уголовном праве // Правоведение. – 1961. – № 3.
88. Судопроизводство у мирового судьи по уголовным делам / Под ред. В.Н. Ткачева и Ю.А. Ляхова. – Ростов-н/Д., 2002.
89. Сюкияйнен Л.Р. Система, источники и форма права // Право в странах социалистической ориентации. – М., 1979.
90. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып. 1. – СПб., 1887.
91. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. – СПб., 1902.

92. Тарановский О.В. Учебник энциклопедии права. – Юрьев, 1917.
93. Теория государства и права. – М., 1965.
94. Теория государства и права / Отв. Ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. – Л., 1987.
95. Тюнин В.И. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности. – СПб., 2001.
96. Уголовное право. Общая часть. – М., 1943.
97. Уголовное право. Общая часть / Под ред. А.И. Игнатова и Ю.А. Красикова. – М., 1996.
98. Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. М.П. Журавлева, А.И. Рарога. – М., 1996.
99. Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1997.
100. Устинов В.С. Техника конструирования дефиниций в уголовном законодательстве // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. ст. Т. II / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001.
101. Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство. – М., 2001.
102. Устинова Т. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство // Уголовное право. – 1999. – № 1.
103. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – М., 2002.
104. Халфина Р.О. Почему не работает закон? // Журнал российского права. – 1997. – № 4.

105. Хабаров А.В. Действие Конституции Российской Федерации в сфере уголовно-правовых отношений // Правовая политика и правовая жизнь. – 2002. – № 4.

106. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. – М., 1979.

107. Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. – СПб., 2003.

108. Шаргородский М.Д. Уголовный закон. – М., 1948.

109. Шебанов А.Ф. Форма советского права. – М., 1968.

110. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1911.

111. Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. – СПб, 2004.

112. Шишко И.В., Хлупина Г.Н. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации // Юридический мир. – 1999. – № 8.

113. Энциклопедический юридический словарь / Под общ. ред. В.Е. Крутских. – М., 1998.

114. Якубов А.Е. Некоторые вопросы соотношения Уголовного и Уголовно-процессуальных кодексов РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2003. – № 2.

115. Якубов А.Е. Обратная сила уголовного закона: некоторые проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации. – СПб., 2003.

116. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. – Тольятти, 1998.

117. Яни П.С. О значении принципа «Ignorantia juris nocet» для вменения составов экономических преступлений // Уголовное право в XXI веке. – М., 2002.

118. Allen C. K. Law in the making. – Oxford, 1958. – P. 1-2.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

1. Бушуев И.И. Разделение властей в федеративном государстве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.

2. Васильев А.И. Проблемы социальной и уголовно-правовой оценки преступлений техногенного характера: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997.

3. Виноградова Е.В. Преступления против экологической безопасности: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2001.

4. Егоров В.А. Налоговые преступления и их предупреждение: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 1999.

5. Кленова Т.В. Уголовно-правовая норма (понятие, структура, виды): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1986.

6. Ображиев К.В. Судебный прецедент как источник российского уголовного права: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002.

7. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений при бланкетной форме диспозиции уголовного закона (с кон-

кретизацией запрета в административном праве): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1982.

8. Пирвагидов С.С. Понятие, источники и принципы уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран-участниц Содружества Независимых Государств: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002.

9. Трунцевский Ю.В. Нормы международного права как источники российского уголовного права: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1995.